

АЛЕКС СКАЙ

ОН ПРИВЫК
ПОКУПАТЬ ЛУЧШЕЕ.
НО ОНА...
НЕ ПО ПРОДАЖЕ

NEW
LUXURY
FASHION SHOW

ПЫШКА

не по карману,

МАЖОР

СОВРЕМЕННЫЙ БИЗНЕСНЫЙ РОМАН

Алекс Скай

Пышка не по карману, мажор

«Автор»

2026

Скай А.

Пышка не по карману, мажор / А. Скай — «Автор», 2026

Он думал, что любую женщину можно красиво упаковать, подсветить — и продать. Даже меня. Пышку у технической двери. Дизайнерку из маленькой мастерской. Женщину, которую его глянцевый мир не хотел видеть в центре витрины. Марк Верещагин привык получать всё: внимание, власть, чужие улыбки и право решать, кто достоин быть заметным. Но одна его фраза попала на видео — и теперь вся сеть смотрит, как я говорю ему в лицо: — Меня вы не потянете, Марк Сергеевич. Я вам не по карману. Он пришёл замять скандал деньгами. Я предложила сделку. Его витрины. Мои платья. Его фамилия. Мои правила. Теперь мы вынуждены работать вместе. Он бесит меня своим контролем. Я свожу его с ума каждым отказом. Между нами война, камеры, слухи, испорченные платья, семейная империя и притяжение, которое опаснее любого скандала. Только я не товар. Не проект. Не ставка. И если мажор хочет быть рядом — пусть сначала докажет, что больше не пытается меня купить.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девушка не с витрины	5
Глава 2. Ставка на пышку	19
Глава 3. Мажор у швейной машинки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алекс Скай

Пышка не по карману, мажор

Глава 1. Девушка не с витрины

Варвару Соколову поставили к техническому выходу.

Не рядом с подиумом, не у стеклянной стены с видом на ночную Москву, не возле стойки с шампанским, где фотографы ловили улыбки девушек в платьях стоимостью с небольшую мастерскую. Нет. Её аккуратно, почти вежливо, почти незаметно отправили туда, где пахло горячим утюгом, свежей краской, чужими нервами и дорогим парфюмом, который не мог окончательно перебить запах закулисья.

— Здесь у вас будет очень атмосферно, — сказала администратор с таким выражением лица, будто вручала не место у пожарной двери, а ключи от личного острова.

Варвара посмотрела на серую стену, на металлическую дверь с зелёной табличкой, на узкий столик, накрытый белой тканью, и на одинокий рейл, который грустно покачивался под её платьями.

— Атмосферно, — повторила она. — Прямо чувствуется: если коллекция провалится, я смогу сразу красиво выйти из профессии через служебный ход.

Администратор моргнула. Шутку она или не поняла, или поняла и решила не рисковать лицом.

— Пространство сегодня очень ограничено.

— Конечно. Особенно для тех, кто шьёт не на размер «я забыла поесть с понедельника».

Девушка в гарнитуре сделала вид, что проверяет список на планшете. Варвара улыбнулась ей так тепло, как умела улыбаться людям, которые не виноваты лично, но очень стараются быть частью чужой бестактности.

— Не переживайте. Я расставлюсь. Мои платья к тесноте привыкли. Их хозяйки тоже.

Администратор тихо ушла, почти растворившись в шелесте чёрного платья. Варвара осталась среди своих чехлов, коробок, вешалок и одного упрямого рейла, который выглядел так, будто тоже не подписывался на участие в закрытом модном вечере «Новая роскошь. Новые имена».

«Новые имена», как выяснилось, располагались в основном у главного света. Там, где камеры. Там, где зеркальный пол отражал тонкие щиколотки, острые плечи, идеальные линии и скушающие лица людей, которые пришли не смотреть моду, а убедиться, что их самих заметили.

А Варвара была «локальным дизайнером для разнообразия».

И эту формулировку она слышала дважды.

Первый раз — от координатора, который шептал кому-то в гарнитуру, что «пышная девочка со своими платьями уже приехала». Второй — от женщины в белом брючном костюме, проходившей мимо её угла вместе с подругой.

— Это сейчас модно, — лениво сказала женщина. — Разнообразие. Принятие себя. Вся эта история для соцсетей.

— Главное, чтобы на витрину не поставили, — ответила подруга и тихо рассмеялась. — Премиум всё-таки.

Варвара как раз вынимала из чехла платье цвета спелой вишни. Плотная струящаяся ткань мягко легла ей на руки, словно понимала: сейчас хозяйке захочется не просто молчать, а красиво выжить.

Она повернулась.

— Девушки, если что, я отлично слышу. У меня размер платья большой, не ушей.

Обе замерли. У одной дрогнули брови, у второй улыбка сбежала с лица так быстро, будто ей вызвали такси.

— Мы не о вас, — натянуто произнесла женщина в белом.

— Конечно, — Варвара кивнула. — Вы о премиуме. Он у вас такой нежный, оказывается. Чуть что — пугается женщины с грудью, бёдрами и собственным мнением.

Женщина открыла рот, но ничего не сказала. Видимо, в её мире на такие случаи не было заранее заготовленных реплик. Там вообще многое держалось на уверенности, что люди из дальнего угла не отвечают.

А Варвара отвечала.

Не всегда правильно. Не всегда вовремя. Иногда так, что потом дома, сидя на полу между рулонами ткани, вспоминала и закрывала лицо руками. Но всё равно отвечала. Потому что однажды, много лет назад, она слишком долго молчала, пока в примерочной ей говорили: «Девушка, на вас такого нет». Потом — «на вас лучше тёмное». Потом — «может, вам что-то свободнее». Потом — «праздничные платья в вашем размере не привезли».

И в какой-то момент Варвара решила: если мир не собирается шить для неё праздник, она сошьёт его сама.

Сначала криво.

Потом лучше.

Потом так, что женщины в её маленькой мастерской на окраине Москвы плакали перед зеркалом не потому, что было обидно, а потому что впервые за долгое время не хотелось извиняться за своё отражение.

Она вытащила второе платье — изумрудное, с запахом, подчёркнутой талией и рукавами, которые не прятали руки, а делали их частью образа. Потом третье — чёрное, но не «чёрное стройнит», а «чёрное командует». Потом четвёртое — золотистое, дерзкое, с мягким блеском, будто его шили для женщины, которая уже пришла на чужой праздник и теперь собиралась забрать половину внимания себе.

— Варвара? — раздалось из-за спины.

Она обернулась и увидела Лику — девятнадцатилетнюю модель с лицом фарфоровой куклы, длинной шеей и глазами человека, который уже трижды пожалел, что вообще пришёл на этот вечер.

Лица участвовала в показе одного молодого бренда. Варвара познакомилась с ней час назад у служебного входа, когда та пыталась не уронить огромный чехол и одновременно не расплакаться из-за порванной петли на платье. Варвара петлю поправила, Лику успокоила, а заодно успела узнать, что девушка впервые выходит на такой подиум и боится упасть.

— Что случилось? — спросила Варвара.

Лица подошла ближе. Нижняя губа у неё дрожала.

— Они сказали, что я выгляжу... — она сглотнула и замолчала.

— Как?

— Недостаточно дорого.

Варвара медленно повесила чехол на рейл.

— Кто сказал?

Лица кивнула в сторону закулисья.

— Стилист. И ещё женщина какая-то. Я не знаю, кто она. Они думали, я не слышу. Сказали, что у меня лицо из обычной жизни, а не для премиума.

Варвара посмотрела на её тонкие плечи, на руки, сжимающие край платья, на глаза, в которых уже копилось то самое опасное чувство: будто тебя пригласили, но заранее попросили не занимать слишком много места.

— Лица, подойди к зеркалу.

— Зачем?

— Будем делать из обычной жизни такую, от которой премиуму станет неловко.

— Мне через двадцать минут на выход.

— Тогда у премиума двадцать минут на покаяние.

Лица всё же улыбнулась. Слабо, но улыбнулась.

Варвара усадила её на стул, поправила волосы, убрала лишнюю заколку, которая делала образ слишком правильным, расправила ворот платья и отступила на шаг. Девушка смотрела на себя так, будто ждала приговора.

— У тебя не «лицо из обычной жизни», — сказала Варвара. — У тебя лицо девушки, которая ещё не поняла, что имеет право не просить разрешения нравиться. Это поправимо.

— Вы всегда так говорите?

— Только когда кто-то несёт чушь с серьёзным лицом.

Лица усмехнулась.

— А если я всё равно упаду?

— Вставай медленно. Так, будто это часть постановки. Люди обожают уверенность. Даже когда она притворяется.

— А если засмеются?

— Посмотри на самого красивого мужчину в зале так, будто он должен тебе денег. Обычно помогает.

— У вас был опыт?

— Дорогая, я живу в мире, где мне регулярно пытаются объяснить, какие платья мне можно носить. У меня опыт боевых действий на каблуках.

Лица рассмеялась уже по-настоящему. Варвара протянула ей салфетку.

— Глаза не три. Твой макияж стоил кому-то душевного равновесия.

— Спасибо, — тихо сказала Лица. — Вы очень... настоящая.

Варвара на секунду потеряла улыбку.

Настоящая.

Слово было хорошее. Даже слишком. В этом зале настоящими старались не быть. Здесь стояли, двигались, разговаривали и смеялись так, будто каждый жест заранее утвердил невидимый комитет по роскоши. Даже воздух казался отредактированным.

— Иди, — сказала Варвара мягче. — Забери свои три минуты. Они твои.

Лица кивнула и убежала к закулисы.

Варвара посмотрела ей вслед, потом повернулась к своим платьям. Вишнёвое, изумрудное, чёрное, золотое. Её маленькая армия на тонких плечиках. Не для витрин, где женщины становятся декором. Для тех, кто слишком долго стоял у стены и делал вид, что не хочет танцевать.

— Красиво.

Голос раздался рядом. Мужской. Гладкий. Уверенный.

Варвара обернулась.

Перед её стендом стоял мужчина лет тридцати в тёмно-сером костюме, с бокалом в руке и выражением человека, который привык оценивать всё: ткань, цену, женщину, возможность. Он смотрел не на неё, а на платья.

— Спасибо, — ответила Варвара.

— Смело. Для вашей аудитории.

Вот оно. «Для вашей аудитории». Та самая фраза, после которой можно было сразу доставать мысленную лопату и копать под светской улыбкой.

— А какая у меня аудитория? — спросила она.

Мужчина впервые посмотрел ей в лицо. Быстро скользнул взглядом по волосам, яркой помаде, чёрному платью с широким поясом, по её фигуре, задержался там, где воспитанные люди взгляд не задерживают, и вернулся к глазам.

— Женщины, которые хотят выглядеть увереннее.

— Не угадали.

— Разве?

— Моя аудитория — женщины, которые уже уверенные. Просто им слишком долго продавали тряпки для маскировки.

Он усмехнулся.

— Бодро.

— Я старалась.

— Но премиальный сегмент любит лёгкость.

— Премиальный сегмент любит деньги, — сказала Варвара. — Всё остальное он потом красиво называет концепцией.

Мужчина на мгновение прищурился. Ему явно нравились острые ответы, пока они не царапали лично его.

— Вы здесь впервые?

— Так заметно?

— Здесь все заметно.

— Особенно технический выход. Он сегодня прямо звезда пространства.

Он посмотрел на серую дверь за её спиной и улыбнулся шире.

— Не обижайтесь. Такие мероприятия строятся на визуальной иерархии.

— Какая удобная фраза для тех, кто ставит людей в угол.

Мужчина хотел ответить, но его окликнули. Он поднял бокал в коротком жесте и ушёл, оставив после себя запах дорогого парфюма и ощущение, будто Варвару потрогали ценником.

Она проводила его взглядом.

— Смотри не поскользись на собственной важности, — пробормотала она.

— Это ты ему? — рядом возникла Лика, уже почти готовая к выходу.

— Нет, себе. Напоминаю, что нельзя бить людей вежливостью слишком сильно. Могут привыкнуть.

— Там главный приехал, — прошептала Лика.

— Кто главный?

Лика округлила глаза.

— Марк Верещагин.

Имя прошло по залу раньше, чем сам человек. Варвара даже не сразу поняла, что изменилось. Музыка осталась прежней, свет — тоже, бокалы так же звенели, фотографии так же ловили лица. Но в движении гостей появилась какая-то общая настройка, как у подсолнухов, которые разом повернулись к солнцу.

Только солнце, вошедшее в зал, было холодным.

Марк Верещагин не торопился. Он шёл так, будто пространство заранее принадлежало ему, а люди просто временно получили право там стоять. Высокий, темноволосый, безупречно одетый. Костюм сидел на нём не просто дорого — властно, словно ткань тоже понимала, на кого работает. Лицо красивое до раздражения: чёткая линия подбородка, спокойный рот, глаза такого тёмного оттенка, что рядом с ними любые улыбки становились немного вынужденными.

Рядом с ним двигались двое мужчин и женщина в серебристом платье. Они смеялись, что-то говорили, но Варвара заметила: все трое постоянно поглядывали на Марка, ловили его реакцию, подстраивали шаг.

Король явился проверить, достаточно ли блестит его королевство.

— Это он? — спросила Варвара.

— Да.

— Выглядит так, будто никогда не стоял в очереди за нормальной жизнью.

Лица прыснула, тут же прикрыла рот ладонью и убежала, потому что её позвали на построение.

Марк тем временем остановился у центральной зоны. К нему подошла женщина в белом — та самая, что боялась за премиум. Она говорила быстро и почтительно, показывала на подиум, на гостей, на камеры. Марк слушал вполуха. Иногда кивал. Иногда смотрел поверх её плеча.

И в какой-то момент его взгляд дошёл до дальнего угла.

До технической двери.

До рейла с платьями.

До Варвары.

Он не изменился в лице. Совсем. Но Варвара, сама не понимая почему, почувствовала этот взгляд как прикосновение холодного металла к коже. Не оценивающее даже. Хуже. Инвентаризационное.

Будто он мысленно поставил галочку: «лишний элемент».

Потом Марк отвернулся.

Варвара улыбнулась своим платьям.

— Ну что, девочки. Нас заметили. Теперь осталось выжить.

Первые полчаса вечера прошли в режиме светского унижения с элементами самообладания.

К её стенду подходили редко. В основном те, кто свернул не туда, потерял кого-то из знакомых или искал выход покурить. Несколько женщин задержались всерьёз. Одна погладила рукав изумрудного платья и сказала:

— А есть сорок восьмой?

— Есть и сорок восьмой, и пятьдесят второй, и настроение «я сегодня главная».

Женщина рассмеялась, но тут же оглянулась, словно боялась, что её услышат.

— Я обычно такое не ношу.

— Обычно или вам внушили?

Она убрала руку.

— Муж говорит, что яркое меня полнит.

— Муж не пробовал говорить что-нибудь полезное?

Женщина ахнула, потом снова рассмеялась. Уже громче. Настояще. Взяла визитку. Потом ещё одну — для подруги.

Такие моменты Варвара собирала, как бусины. Один взгляд у зеркала. Одна улыбка вместо привычного «мне нельзя». Одна женщина, которая не купила платье, но вдруг выпрямила спину. Это не оплачивало аренду мастерской, не закрывало долги по тканям, не добавляло света в её дальний угол. Но это напоминало, зачем она вообще сюда приехала.

Не ради Марка Верещагина.

Не ради его холодного взгляда.

Не ради людей, которые произносили «разнообразие» так, будто им пришлось проглотить невкусное слово.

Она приехала потому, что однажды её платья должны были выйти из маленькой мастерской. Должны были оказаться там, где их не ждали. Должны были занять место.

— Осторожно!

Крик раздался у закулисья. Варвара обернулась и увидела, как Лица, уже после своего выхода, споткнулась о край декоративной конструкции. Девушка успела удержаться, но тонкая бретель на платье соскочила, ткань опасно перекосилась. Рядом кто-то раздражённо цыкнул.

— Только не сейчас, — прошипел стилист. — Господи, да что ты как деревянная?

Ли́ка побледнела.

Варвара уже шла туда.

— Руки убрали, — сказала она стилисту, который дёрнул ткань так, будто платье было виновато в его испорченном вечере.

— Простите, вы кто? — он смерил её взглядом.

— Человек, у которого есть иголка, терпение и меньше желания орать на девочку перед выходом.

— Это не ваш показ.

— А истерика ваша?

Он открыл рот, но Ли́ка тихо сказала:

— Пожалуйста.

Варвара достала из маленького чехла нитку, иголку и булавку. Слово «булавка» она любила: в нём было что-то от женской тайной власти. Маленькая вещь, которая держит на месте то, что должно было развалиться.

— Дыши, — сказала она Лике. — На меня смотри.

— Я всё испортила.

— Нет. Ты просто доказала, что платье плохо подготовили.

— Меня снимут.

— Они снимут себя с умения работать, если продолжат пугать модель за пять минут до выхода.

Стилист возмущённо втянул воздух, но промолчал. Видимо, понял, что спорить с женщиной, которая держит иголку и не боится свидетелей, рискованно.

Варвара быстро закрепила бретель, проверила посадку, поправила ткань на плече.

— Всё. Идёшь. Медленно. Подбородок выше. Смотри не в пол, а туда, где сидят люди, которые считают себя важными. Им полезно иногда чувствовать, что их тоже оценивают.

Ли́ка кивнула. В её глазах ещё был страх, но уже не один. Рядом с ним появилась злость. Хорошая, рабочая злость.

— Спасибо, — прошептала она.

— Потом отблагодаришь. Возьмёшь мою визитку и перестанешь верить людям, которые путают хрупкость с ценностью.

Ли́ка ушла на подиум.

И прошла идеально.

Не потому, что не боялась. Потому что боялась и всё равно шла.

Варвара вернулась к стенду под несколько чужих взглядов. Кто-то смотрел с интересом, кто-то с раздражением. Женщина в белом разговаривала с Марком, явно пересказывая происшествие. Марк слушал и смотрел уже не поверх плеча.

На этот раз прямо на Варвару.

Она не отвела взгляд.

Улыбнулась.

Марк не улыбнулся в ответ.

«Ну конечно, — подумала она. — Его величество не раздаёт мелочь».

Вечер набирал блеск. Музыка стала громче, фотографии активнее, гости расслабленнее. На огромном экране за подиумом сменялись слова о новой роскоши, смелости, свободе самовыражения и других красивых вещах, которые здесь стоили дорого и распределялись неравномерно.

Варвара налила себе воды в тонкий стакан и наконец позволила ногам пожаловаться. Каблуки были красивые, чёрные, с ремешком вокруг щиколотки. Она купила их за два дня до мероприятия, хотя могла бы потратить деньги на молнию, подкладочную ткань и нормальную

лампу в мастерскую. Но иногда женщине нужно не разумное решение, а обувь, в которой легче войти туда, куда её не звали по-настоящему.

— У вас очень бойкий стиль общения.

Варвара подняла взгляд.

Перед ней стояла женщина в серебристом платье из свиты Марка. Близко — ещё красивее, ещё холоднее. Светлые волосы, гладкая кожа, украшения без лишнего блеска, уверенность человека, которого никогда не отодвигали к техническому выходу.

— Спасибо, — сказала Варвара. — Я полирую его на людях, которые начинают с оценки моего размера.

Женщина усмехнулась.

— Я Милана.

— Варвара.

— Я знаю. Вас сегодня уже обсуждают.

— Надеюсь, с выражением.

— С разным.

— Отлично. Значит, я не зря красилась.

Милана скользнула взглядом по платьям.

— Вы правда сами это шьёте?

— Нет, конечно. Ночью ко мне прилетают феи среднего и plus-size сегмента.

— Вы всегда защищаетесь шутками?

Варвара задержала улыбку на губах. Вопрос был точнее, чем хотелось.

— Только когда меня изучают без разрешения.

— Я не хотела задеть.

— Тогда вам стоит потренироваться. Пока получается уверенно.

Милана рассмеялась. Коротко, но не зло.

— Марк сказал, что вы риск для эстетики вечера.

Вот теперь Варвара поняла, зачем женщина подошла.

Не из любопытства.

Из скуки.

Принесла маленький ножик и хотела посмотреть, как он войдёт.

— Передайте Марку Сергеевичу, что я польщена. Не каждая женщина может угрожать эстетике целого вечера, стоя у двери с табличкой выхода.

— Вы его не знаете.

— А уже чувствую, что переплатила.

Милана слегка наклонила голову.

— Осторожнее, Варвара. В этом зале остроумие любят только у тех, кого уже приняли.

— Тогда у меня преимущество. Меня ещё не приняли, значит, терять нечего.

На лице Миланы мелькнуло что-то вроде уважения. Или раздражения. В таких лицах они часто выглядели одинаково.

— Удачи вам.

— Берите выше. Мне сегодня нужна не удача, а свидетели.

Милана ушла.

Варвара сделала маленький глоток воды и поставила стакан. Пальцы слегка дрожали. Злость работала лучше кофе, но хуже гордости: сначала поднимала, потом оставляла внутри пустое место.

Она устала.

Ещё до начала вечера устала.

От коробок, которые тащила сама, потому что грузчика ей не оплатили. От звонка арендодателя утром. От сообщения поставщика, что следующая партия ткани будет дороже. От

собственной улыбки, которую приходилось держать как щит. От людей, считающих, что её тело — открытая тема, её место — дальний угол, а её мечта — милый социальный проект.

Но стоило ей коснуться вишнёвого платья, как усталость стала тише.

Это платье она шила почти без сна. На манекене оно смотрелось хорошо, но на живой женщине должно было стать опасным. Не откровенным — именно опасным. Так выглядят вещи, после которых кто-то обязательно спросит: «А ты точно можешь себе такое позволить?» И женщина ответит: «Уже позволила».

— Сколько стоит?

Варвара повернулась. У стенда остановилась новая гостья, лет сорока пяти, в строгом чёрном костюме и с таким умным взглядом, что на нём хотелось повесить табличку «не обманывать».

— Какое именно?

— Вишнёвое.

Варвара назвала цену.

Женщина не поморщилась. Уже плюс.

— Можно примерить?

— Здесь примерочной нет, — честно сказала Варвара. — Видимо, организаторы решили, что у технического выхода женщины переодеваются силой характера.

Гостья улыбнулась.

— А если без шуток?

— Если без шуток, я могу привезти его к вам в шоурум или домой. Подгонка по фигуре входит в стоимость.

— Вы уверены, что оно сядет?

— Я уверена, что мы заставим его сесть. Ткань упрямится меньше людей.

Женщина снова коснулась платья.

— Вы не похожи на дизайнера, который хочет всем понравиться.

— Я хочу, чтобы моим клиенткам нравилось зеркало. Это сложнее и полезнее.

— Меня зовут Алла Романовна. Я владею сетью салонов красоты. Оставьте визитку.

Варвара протянула карточку спокойно, хотя внутри у неё уже кто-то устроил маленький салют.

— Конечно.

— И ещё одну. У меня есть клиентки, которым надоело выбирать между мешком и трауром.

— Мы с ними подружимся.

Алла Романовна ушла, а Варвара наконец позволила себе тихо, без свидетелей, улыбнуться по-настоящему.

Вот ради этого.

Не ради центральной витрины.

Хотя нет, врал. Ради витрины тоже.

Очень ради витрины.

Потому что сколько бы она ни говорила себе, что дальний угол не унижение, а просто место, в глубине души ей хотелось однажды увидеть своё платье не у стены, не в сторис благодарной клиентки, не на манекене в мастерской, а в самом центре дорогого пространства. Так, чтобы люди остановились. Так, чтобы никто не спрашивал: «А почему это здесь?» Так, чтобы женщина с формами не была исключением из концепции, а стала причиной, по которой концепцию вообще запомнили.

К десяти вечера основные показы закончились. Гости разошлись по группам, обсуждая коллекции, связи, контракты и друг друга. Варвара получила ещё несколько визиток, один

странный комплимент «для вашей комплекции очень эффектно» и предложение «как-нибудь сделать коллабацию, если вы немного смягчите подачу».

На последнее она ответила:

— Мою подачу уже пытались смягчить. Она укусила.

Мужчина не понял. Но визитку взял.

Марк Верещагин за вечер к ней не подошёл. Не то чтобы Варвара ждала. Совсем нет. Абсолютно. Просто раздражало, что человек мог назвать её риском для эстетики, а потом даже не потрудиться посмотреть на риск поближе.

Впрочем, ближе он оказался сам.

Она как раз закрывала один чехол, когда услышала мужской смех неподалёку. Не светский, не громкий, а уверенный смех людей, которые считают пространство достаточно своим, чтобы не снижать голоса.

— Марк, признай, вечер почти спасён, — сказал кто-то. — Даже угол с социальной повесткой пригодился. Фотографы любят такие контрасты.

Варвара замерла, держа молнию чехла.

Голос доносился из-за декоративной перегородки. Там была небольшая зона для организаторов и важных гостей, полускрытая от зала. Видимо, они думали, что техническая сторона, как обычно, не слушает. Или не считается.

— Контрасты продаются, если ими управлять, — ответил Марк.

Голос у него оказался ниже, чем Варвара ожидала. Спокойный. Ровный. Без яркой насмешки, что было хуже насмешки.

— А этой можно управлять? — спросил другой мужчина. — Она же кусается. Видел, как она Милану приложила?

— Любую можно упаковать, — сказал Марк. — Вопрос бюджета и правильного света.

Варвара очень медленно отпустила молнию.

— Даже эту? — в голосе собеседника появилась улыбка. — Она же явно не формат Vereshchagin Gallery.

Пауза.

Короткая.

Достаточная, чтобы всё внутри Варвары стало слишком тихим.

— Формат создают деньги, — произнёс Марк. — Если вложить достаточно, можно продать и бунт, и характер, и пышку у технической двери. Главное — убрать лишнее, подчеркнуть нужное и придумать историю, в которую поверят те, кто любит чувствовать себя добрыми.

Кто-то тихо рассмеялся.

Варвара стояла неподвижно.

Удивительно, но первой пришла не боль.

И даже не злость.

Первой пришла ясность.

Та самая, редкая и опасная, когда мир вдруг перестаёт шуметь. Когда каждое слово становится ровным, чистым, острым. Когда ты понимаешь: сейчас у тебя есть выбор. Можно промолчать. Можно уйти. Можно потом всю ночь придумывать правильный ответ, который уже никому не понадобится.

А можно открыть рот вовремя.

Варвара поправила пояс на своём платье, подняла подбородок и обошла перегородку.

Там действительно стоял Марк Верещагин. Рядом с ним — двое мужчин, Милана и та самая женщина в белом. На маленьком столике лежали папки, бокалы, чей-то телефон. Все были расслаблены ровно до того момента, как Варвара появилась в проходе.

Она не спешила.

Пусть посмотрят.

Марк повернул голову первым. Его взгляд скользнул по ней — теперь уже не инвентаризационно. В нём появилось раздражение человека, которого застали не на ошибке, а на правде.

— Продолжайте, — сказала Варвара. — Я как раз подошла к части про то, как меня можно продать.

Один из мужчин кашлянул. Милана чуть заметно опустила глаза. Женщина в белом побледнела.

Марк не отвёл взгляда.

— Вы неправильно поняли контекст.

— Обожаю эту фразу. Её всегда говорят люди, которые надеялись, что их услышат только свои.

— Мы обсуждали маркетинг.

— Нет. Вы обсуждали меня. Маркетинг просто стоял рядом и делал вид, что не знаком с хамством.

У второго мужчины вырвался смешок. Марк даже не посмотрел на него, но смешок оборвался.

— Варвара, — произнесла Милана тихо, — это был закрытый разговор.

— Тогда вам стоит закрывать рот, а не только зону.

Милана отступила на полшага. Женщина в белом возмущённо вдохнула.

Марк наконец поставил бокал на стол.

— Вы пришли сюда устроить сцену?

— Нет, Марк Сергеевич. Сцену устроили вы. Я пришла на неё выйти.

Он смотрел на неё несколько секунд. Вокруг начинали оборачиваться люди. Сначала ближайšie, потом те, кто заметил, что ближайšie смотрят не туда, куда положено. Так внимание и распространяется: не вспышкой, а цепочкой чужого любопытства.

— Вы эмоциональны, — сказал Марк.

— А вы невоспитанны. У каждого свой недостаток.

— Я вас не оскорблял.

Варвара улыбнулась. Медленно. Почти ласково.

— Правда? Значит, «пышка у технической двери» — это у вас комплимент? Тогда мне страшно представить, как вы признаётесь женщине в симпатии. Наверное, сразу выставяете счёт за освещение.

У кого-то за спиной нервно хихикнули.

Марк сделал шаг ближе. Не угрожающе. Просто так, чтобы обозначить: теперь разговор его.

Только Варвара такие обозначения не подписывала.

— Вы находитесь на мероприятии моей компании, — сказал он тихо.

— Я заметила. Очень удобно: хамство сразу с логотипом.

— Вам предоставили площадку.

— Мне предоставили угол у выхода. Площадкой это станет, если я начну брать билеты за ваше падение с пьедестала.

Его глаза потемнели. Не от ярости. От интереса. И это почему-то разозлило её ещё сильнее. Он не смущался. Не каялся. Он изучал её реакцию, как новый вид ткани: потянется, порвётся, ляжет ли в нужную форму.

— Вы переоцениваете свой вес в этом вечере, — сказал он.

На этот раз тишина стала другой.

Острой.

Даже тот, кто не слышал начало разговора, понял: слово легло слишком близко к телу, чтобы быть случайным.

Варвара почувствовала, как по лицу прошёл жар. Где-то внутри поднялось старое, знакомое, мерзкое: примерочные, взгляды, советы, чужие «вам бы», чужие «зачем подчёркивать», чужие «таким женщинам надо скромнее».

Она могла ударить ответом сразу.

Могла.

Но вдруг увидела Лику у кулис. Девушка стояла неподвижно, прижимая к груди чехол, и смотрела на Варвару так, будто от её следующей фразы зависело что-то большее, чем один скандал.

Варвара перестала улыбаться.

— Нет, Марк Сергеевич, — сказала она спокойно. — Это вы переоцениваете цену своих денег.

Он чуть прищурился.

— Вот как?

— Именно так.

— И сколько же, по-вашему, вы стоите?

Кто-то тихо охнул. Женщина в белом прошептала:

— Марк...

Но он уже сказал.

А Варвара уже услышала.

Она сделала шаг к нему. Теперь между ними оставалось совсем немного места. Достаточно, чтобы она увидела, как на его безупречной щеке дёрнулась мышца. Достаточно, чтобы он понял: она не отступит.

— Я не стою, — произнесла Варвара. — Я существую. Работаю. Шью. Ошибаюсь. Плачу аренду. Достаю ткань, когда поставщики ломают цену. Уговариваю женщин перестать прятаться. Поднимаю коробки, которые ваши сотрудники не считали нужным донести. И прихожу туда, где меня ставят к двери, потому что кому-то страшно увидеть в центре зала женщину не витринного размера.

В зале стало тихо.

По-настоящему.

— А вы, — продолжила она, не повышая голоса, — просто родились с фамилией, которую все здесь боятся произносить без поклона. И теперь думаете, что можете назвать это вкусом.

Марк молчал.

Его друзья уже не улыбались. Милана смотрела на Варвару с таким выражением, будто впервые за вечер увидела не «разнообразие», а человека.

— Варвара, — сказал Марк наконец, и в его голосе появилось предупреждение.

— Нет. Теперь слушаете вы.

Она подняла руку и коснулась пальцем лацкана его дорогого пиджака. Не интимно. Не нежно. Так, будто проверяла качество товара.

— Хорошая ткань. И посадка отличная. Наверное, дорого.

Он смотрел на её руку.

— Уберите.

— Не нравится, когда вас оценивают по оболочке?

Марк поднял взгляд.

И впервые за весь вечер Варвара увидела на его лице не скуку и не власть, а злость. Живую. Человеческую. Почти красивую, если бы она не принадлежала мужчине, который только что попытался поставить ей ценник.

— Вы не понимаете, с кем разговариваете, — сказал он.

— Понимаю. С мужчиной, который думает, что любую женщину можно упаковать, если вложить достаточно денег.

— Это деловой подход.

— Это бедность. Просто в дорогом костюме.

Где-то сбоку щёлкнула камера. Или телефон. Варвара не посмотрела. Она уже чувствовала взгляды, направленные в их сторону, как сотню маленьких ламп. Всё, что происходило дальше, переставало быть частным.

И это было правильно.

Он унизил её публично, даже если думал, что за перегородкой.

Пусть теперь публично услышит ответ.

Марк наклонился чуть ближе.

— Вы хотите доказать, что мне не по зубам?

— Нет, — Варвара улыбнулась. — По зубам — это про еду. А я про деньги.

Он усмехнулся. Зло.

— Тогда про деньги и поговорим. Сколько нужно вложить, чтобы ваш маленький бунт стал частью большого рынка?

— Больше, чем у вас есть.

Кто-то ахнул громче.

Марк почти рассмеялся.

— Вы правда считаете, что можете быть мне не по карману?

Варвара посмотрела ему прямо в глаза. Внутри всё горело. От стыда, ярости, страха, восторга, отчаяния — от всего сразу. Но голос вышел ровным. Даже мягким.

— Меня вы не потянете, Марк Сергеевич. Я вам не по карману.

Тишина после этой фразы была прекрасной.

Неловкой.

Дорогой.

Такой тишиной можно было обить стены в её будущей мастерской.

Марк не ответил сразу. И именно это стало её маленькой победой. Не потому, что он не нашёл слов. Нашёл бы. У таких, как он, слова всегда лежали рядом с властью. Просто впервые за вечер ему пришлось выбирать, какую маску надеть, а все вокруг уже видели лицо под ней.

Милана медленно подняла бокал и сделала вид, что пьёт, хотя не отпила ни глотка. Один из приятелей Марка отвёл глаза. Женщина в белом смотрела куда-то в пол, будто там внезапно обнаружилась стратегия спасения репутации.

— Вы пожалеете, — сказал Марк.

Не громко.

Только для неё.

Варвара наклонилась ближе, чтобы ответ тоже услышал прежде всего он:

— В очередь, мажор. Там уже стоят все, кто думал, что я должна стесняться.

Она развернулась и пошла к своему стенду.

Не быстро. Быстро уходят те, кто спасается. Варвара не спасалась. Варвара несла себя через зал, как своё лучшее платье: не для всех, не по скидке, не на вешалке у выхода.

За спиной зашумели голоса. Кто-то начал говорить громче обычного. Кто-то смеялся. Кто-то шептал её имя. Она дошла до рейла, сняла вишнёвое платье и аккуратно убрала его в чехол. Руки уже дрожали сильнее, но это никто не должен был видеть.

Лица подбежала первой.

— Вы... вы просто...

— Не надо, — Варвара застегнула чехол. — Если скажешь «крутая», я заплачусь, а у меня тушь не рассчитана на борьбу с капиталом.

Лица обняла её неожиданно. Быстро, крепко, искренне.

— Вы сказали то, что я бы никогда не смогла.

Варвара закрыла глаза на одну секунду.

— Сможешь. Просто начнёшь с малого. Например, перестанешь извиняться, когда кто-то наступит тебе на ногу.

— Варвара!

К ним уже шла администратор. Лицо у неё было таким, будто технический выход внезапно стал главным входом в катастрофу.

— Нам нужно поговорить.

— Дайте угадаю. Моё атмосферное место стало слишком атмосферным?

— Вы поставили организаторов в сложное положение.

— Ничего. Пусть постоят. Я весь вечер стояла.

— Вы должны понимать...

— Я должна собрать платья до полуночи, вернуть рейл и поймать машину, которая не увезёт меня за цену крыла самолёта. Всё остальное — ваши творческие ожидания.

Администратор явно хотела сказать что-то жёсткое, но вокруг уже стояли люди. Несколько женщин. Лика. Та самая Алла Романовна, владелица салонов. Даже мужчина, который спрашивал про смягчение подачи, наблюдал с любопытством.

И администратор выбрала безопасную улыбку.

— Мы свяжемся с вами позже.

— Обязательно. Только не через технический выход.

Варвара собрала чехлы. Один. Второй. Третий. Каждый казался тяжелее предыдущего, хотя ткань не изменилась. Просто в тело наконец начала возвращаться цена её смелости.

Лика помогла донести коробку до служебного коридора. Там было прохладнее, тише и честнее. Стены без зеркал. Пол без блеска. Люди без необходимости изображать вечность.

— Вы правда не боитесь? — спросила Лика.

Варвара остановилась.

Перед глазами почему-то встал Марк. Его лицо в момент, когда она сказала: «Я вам не по карману». Не оскорблённое даже. Задетое. Будто она попала не в тщеславие, а куда-то глубже. Туда, где он сам не хотел смотреть.

— Боюсь, — сказала Варвара.

Лика удивилась.

— Правда?

— Конечно. Смелые люди не те, кто не боится. Смелые — те, кто потом дома думает: «Ну и зачем я это ляпнула?» — но всё равно не забирает слова обратно.

— И вы не заберёте?

Варвара посмотрела на свои чехлы.

— Нет.

— Даже если он испортит вам карьеру?

Варвара усмехнулась.

— Чтобы испортить мою карьеру, её сначала надо признать существующей. Уже прогресс.

Лика улыбнулась, но тревога из глаз не ушла.

Они попрощались у служебного входа. Варвара вызвала машину, потом отменила, посмотрев цену, и решила пройти квартал пешком до более удобной точки. Ночная Москва встретила её прохладой, мокрым асфальтом после недавнего дождя и равнодушием большого города, которому всё равно, кого сегодня унизили, кто победил в словесной дуэли и сколько платьев стоит в чехлах у женщины с красной помадой.

Она шла медленно. Каблуки уже не помогали чувствовать себя королевой. Они честно намекали, что королевам тоже стоило бы иногда носить удобную обувь.

Телефон завибрировал в сумке.

Варвара достала его, ожидая сообщение от Лики или такси.

На экране было уведомление из соцсети.

Потом второе.

Третье.

Пятое.

Она остановилась у витрины закрытой кофейни. Стекло отразило её лицо: яркая помада, выбившаяся прядь, усталые глаза, чехлы на плече. И телефон, который сходил с ума в руке.

Варвара открыла первое сообщение.

«Это вы на видео?»

Второе.

«Боже, как вы его сделали!»

Третье.

«Скиньте ссылку на ваш бренд, срочно!»

Четвёртое было от незнакомого номера:

«Варя, ты видела? Вас уже выкладывают в пабликах».

Она нажала на ссылку.

Видео начиналось с Марка.

Кадр был чуть сбоку, из-за плеча кого-то из гостей. Слышно было не всё, но главное — достаточно ясно.

«Любую можно упаковать... можно продать и бунт, и характер, и пышку у технической двери...»

Потом в кадре появлялась она.

Варвара смотрела на экран и будто заново проживала каждую секунду. Свою улыбку. Его холодный взгляд. Тишину вокруг. Собственный голос:

«Меня вы не потянете, Марк Сергеевич. Я вам не по карману».

Под видео уже были комментарии.

Много.

Слишком много.

Одни писали, что она богиня. Другие — что сама нарывалась. Кто-то требовал название её бренда. Кто-то защищал Марка. Кто-то уже нашёл её страницу и отметил в публикации. Кто-то написал: «Хочу это вишнёвое платье». Кто-то: «Вот это реклама, девочки».

А потом Варвара увидела новый комментарий, закреплённый сверху.

Профиль был без фотографии. Имя — «Гость вечера».

Комментарий состоял из одной строки:

«Завтра Марк Верещагин сделает ей предложение, от которого она не сможет отказаться».

Варвара подняла глаза от телефона.

На другой стороне улицы, у чёрной машины, стоял Марк.

Без свиты. Без Миланы. Без бокала. В расстёгнутом пальто, с телефоном в руке и тем самым взглядом, от которого хотелось либо отступить, либо шагнуть навстречу просто из вредности.

Он уже видел видео.

И, судя по его лицу, собирался не извиняться.

Варвара крепче перехватила чехлы с платьями.

Марк убрал телефон в карман и медленно направился к ней через пустую ночную улицу.

Глава 2. Ставка на пышку

Марк переходил улицу так, будто даже мокрый асфальт обязан был лежать ровнее под его дорогими туфлями.

Варвара стояла у закрытой кофейни, с чехлами на плече, с телефоном в руке и с тем странным ощущением, когда жизнь ещё минуту назад была просто тяжёлой, а теперь внезапно стала публичной. Уведомления продолжали сыпаться одно за другим. Экран мигал, как нервный прожектор, который кто-то направил ей прямо в лицо.

Она не убрала телефон.

Не потому, что хотела показать Марку видео. Он и так видел. По его лицу было ясно: каждая секунда записи уже прошла по его самолюбию острыми каблуками.

Он остановился перед ней на расстоянии двух шагов. Ночь вокруг казалась почти пустой, но Варвара понимала: пустоты больше не существует. Теперь где-то рядом всегда мог оказаться человек с камерой, а любая фраза могла через десять минут стать подписью под чужим постом.

— Сядьте в машину, — сказал Марк.

Не попросил.

Именно сказал.

Варвара посмотрела на него, потом на чёрную машину у обочины, потом снова на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— Нам нужно поговорить.

— Удивительно. Я думала, после «пышки у технической двери» вы предпочитаете обсуждать меня за перегородкой.

На его лице не дрогнуло ни одной лишней эмоции. Только пальцы на секунду сжались у края пальто.

— Здесь улица.

— Поздравляю с наблюдательностью.

— Вы хотите продолжить спектакль на тротуаре?

— Я хочу дойти до места, где такси не просит с меня выкуп за свободу. А вы, как я понимаю, хотите срочно вернуть себе ощущение контроля.

Марк чуть наклонил голову. В свете вывески его лицо казалось жёстче, чем в зале. Там его смягчали музыка, люди, хрусталь, общий блеск власти. Здесь, на мокрой улице, он выглядел не хозяином вечера, а мужчиной, которого впервые заставили выйти из собственного сценария.

— Видео уже разошлось, — сказал он.

— Спасибо, а то мой телефон стеснялся сказать.

— Вы понимаете последствия?

Варвара поправила чехлы на плече. Ткань тянула вниз, ремень сумки давил на кожу, ноги гудели после вечера на каблуках. Ей хотелось домой. Очень. Хотелось сбросить платье, смыть помаду, поставить чайник и хотя бы десять минут побыть женщиной, а не символом внезапного скандала.

Но перед ней стоял Марк Верещагин, и, судя по его тону, он всерьёз полагал, что последствия начались только тогда, когда пострадала его фамилия.

— Понимаю, — ответила она. — Завтра у вас будет плохое настроение.

— Варвара.

Он произнёс её имя так, будто оно было пунктом договора, который он собирался прочесть особенно внимательно.

— Что?

— Не делайте вид, что это забавная перепалка. Мою компанию втянули в репутационный скандал.

— Простите, я что-то пропустила? Это я за вас сказала, что женщину можно упаковать и продать?

— Вы спровоцировали публичную сцену.

— Нет, Марк Сергеевич. Вы устроили закрытую гадость, а я открыла дверь.

На секунду между ними повисло молчание.

Машина у обочины тихо урчала. Водитель не оборачивался. В витрине кофейни отражались они оба: он — высокий, тёмный, безупречно собранный; она — с чехлами, выбившейся прядью, уставшими плечами и лицом женщины, которая уже слишком далеко зашла, чтобы делать вид, будто всё случайно.

— Я могу решить вопрос, — произнёс Марк.

Варвара медленно улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю деловой подход.

— Удаление видео, официальная формулировка, компенсация за ваше участие в вечере, возможно, частная консультация по продвижению вашего бренда. Без шума.

— Как красиво вы назвали «заткнуться за деньги».

Его взгляд стал холоднее.

— Следите за словами.

— А вы сначала научитесь следить за своими. У меня сегодня выходной от самоконтроля.

— Это не игра.

— Конечно. Для игры нужно, чтобы правила знали оба. А у вас, похоже, привычка выдавать свои желания за закон.

Марк сделал шаг ближе. Варвара не отступила, хотя тело предательски предложило ей хотя бы чуть-чуть увеличить расстояние. Не из страха даже. Из-за того, что рядом с ним всё пространство начинало вести себя иначе. Как ткань под утюгом: сопротивлялось, но нагревалось.

— Вы не представляете, какой шум поднимется утром, — сказал он тише.

— Представляю. Мне уже пишут женщины, которые хотят купить платье.

— Вам пишут не только они.

— Да, ещё люди, которые считают, что мне надо было молча радоваться углу у выхода.

Но они, к счастью, редко покупают мой размер и мою совесть.

Он усмехнулся. Очень коротко.

— Вы упрямая.

— А вы наблюдательный во второй раз за вечер. Прогресс пугает.

— Последний раз предлагаю сесть в машину и поговорить нормально.

Варвара посмотрела ему за плечо. В салоне машины горел мягкий свет. Тёплый, дорогой, удобный. Наверняка там пахло кожей и спокойствием людей, у которых проблемы решаются до завтрака. Всего на секунду ей стало смешно от мысли, как бы выглядели её чехлы на этом сиденье. Вишнёвое платье в машине Марка Верещагина. Технический выход, доехавший до бизнес-класса.

— Нет.

— Нет?

— Удивительное слово, правда? Короткое, бесплатное и крайне неприятное для мажоров.

— Вы собираетесь тащить это всё пешком?

— Я тащила свою жизнь без вашей машины, как-нибудь справлюсь с платьями.

Он посмотрел на чехлы. Потом на её ноги. Варвара почти физически почувствовала этот взгляд и нахмурилась.

— Не надо меня жалеть.

— Я не жалел.

— Тогда не надо оценивать, сколько я ещё продержусь. Я не каблук на вашем мероприятии, чтобы проверять прочность.

— Вы всё переводите в атаку.

— А вы всё переводите в управление.

Он хотел ответить, но телефон в его кармане завибрировал. Раз. Потом ещё. Марк достал его, бросил взгляд на экран, и его челюсть едва заметно напряглась.

— Проблемы? — спросила Варвара сладко.

— Уже.

— Как быстро работает интернет. Почти как карма, только без хорошего воспитания.

Марк поднял на неё глаза.

— Завтра с вами свяжутся.

— Пусть звонят в рабочее время. Я пышка у технической двери, но режим у меня человеческий.

— Это не закончено.

— Конечно не закончено. Вы же ещё не извинились.

Он молчал.

И вот это молчание было красноречивее любой грубости. Извинение стояло между ними, как предмет, который оба видели, но он упорно делал вид, что это не его обязанность поднять.

Варвара первой отвела взгляд не потому, что проиграла, а потому, что ноги действительно больше не хотели участвовать в битве характеров. Она перехватила чехлы, развернулась и пошла по улице.

— Варвара, — сказал Марк за спиной.

Она не остановилась.

— Не споткнитесь о свою репутацию, Марк Сергеевич. Она сегодня лежит прямо на дороге.

До поворота она дошла с прямой спиной.

Только завернув за угол, где он уже не мог её видеть, Варвара прислонилась плечом к стене и позволила себе закрыть глаза. Не надолго. На два вдоха. На три. Потом телефон снова завибрировал, и она открыла экран.

Видео набирало просмотры так быстро, словно кто-то подбрасывал его в каждый крупный паблик города.

«Кто эта женщина?»

«Хочу её страницу».

«Марк Верещагин совсем берега потерял».

«Да она сама пиарится, видно же».

«Фраза года: “Я вам не по карману”».

«А платье где купить?»

Варвара смотрела на комментарии, и в груди у неё одновременно росли страх и странное, почти дикое возбуждение. Её унизили. Её слышали. Её обсуждали. Её искали.

А где-то через улицу Марк Верещагин, возможно, впервые в жизни не смог купить тишину в тот момент, когда она ему понадобилась.

Утро пришло без сна.

Варвара сидела на полу мастерской между чехлами, коробками и кружкой давно остывшего чая. Домой она так и не поехала: приехала сюда, сгрузила платье, сняла каблуки и решила «пять минут посижу». Пять минут превратились в ночь, в которой она отвечала на сообщения, удаляла самые мерзкие комментарии, записывала предзаказы, спорила с собой, не сошла ли с ума, и трижды открывала видео, чтобы убедиться: да, всё было именно так.

Мастерская в шесть утра выглядела жалко и родно.

Две швейные машины у окна. Большой стол с линейками, выкройками и кусочками ткани. Манекен у стены, на который Варвара когда-то надела старое платье и назвала его Агриппиной, потому что у каждой мастерской должен быть кто-то с видом суровой начальницы. Рядом — полки с рулонами ткани, коробки с фурнитурой, зеркало в полный рост и диванчик, на котором клиентки обычно пили чай, ругали бывших, выбирали пуговицы и иногда плакали от облегчения.

На телефоне было девятьсот сорок семь новых уведомлений.

Варвара смотрела на цифру и думала, что славу надо выдавать вместе с инструкцией. Желательно крупным шрифтом: «Не открывать ночью. Возможны дрожь в руках, желание всё удалить и внезапная потребность спорить с незнакомцами».

Она не спорила.

Почти.

Только один раз не выдержала и ответила женщине, написавшей: «Таким надо быть скромнее».

«Скромность закончилась. Завоз будет неизвестно когда».

Ответ уже набрал больше лайков, чем некоторые её честно выстраданные посты с платьями.

К восьми утра позвонила Алла Романовна.

— Варвара, доброе утро. Вы живы?

— Физически — да. Медийно — пока не поняла.

— Я хочу вишнёвое платье. И ещё хочу, чтобы вы приехали ко мне на следующей неделе. У нас женский клуб, сорок человек, все с деньгами, комплексами и усталостью от одинаковых вещей.

Варвара села ровнее.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Только предупреждаю: после вчерашнего цена на ваши платья должна вырасти.

— Я ещё не решила, стала ли я скандальной героиней или жертвой неправильного освещения.

— Станьте женщиной, которая продаёт то, что другие боятся показать. Это выгоднее.

Алла Романовна отключилась, оставив после себя ощущение, что где-то в этом безумии действительно могла быть возможность.

Следом написала Лика.

«Вы видели? Меня тоже отметили. Пишут, что я красиво прошла. Спасибо вам. И берегитесь Марка. У него лицо было такое, будто он сейчас купит весь интернет и запретит ему говорить».

Варвара улыбнулась впервые за утро.

«Интернет дорогой. А он, как мы выяснили, не всё тянет».

Она отправила сообщение и наконец поднялась с пола. Спина возмущённо напомнила, что ночевать среди ткани — идея романтическая только в описаниях творческого успеха. В реальности это хруст в пояснице, помятый рукав и лицо, которое лучше не показывать подписчикам без подготовки.

Варвара умылась в маленьком санузле, собрала волосы в высокий хвост, нанесла помаду почти на упрямстве и встала перед зеркалом.

— Ну что, Соколова, — сказала она своему отражению. — Тебя вчера пытались продать. Сегодня попробуем назначить цену сами.

Телефон зазвонил снова.

Номер был незнакомый, но слишком красивый. Такие номера не принадлежат людям, которые спрашивают, можно ли оплатить платье частями. Такие номера принадлежат тем, кто привык, что им отвечают.

Варвара посмотрела на экран, досчитала до пяти и приняла вызов.

— Варвара Соколова.

— С вами говорит помощник Сергея Павловича Верещагина.

Голос был мужской, сухой и настолько официальный, что рядом с ним даже слово «здравствуйте» звучало как пропуск в здание.

— Какой насыщенный у меня день, — сказала Варвара. — Уже познакомилась с фамилией до старшего поколения.

— Сергей Павлович хотел бы встретиться с вами сегодня.

— А я хотела бы новый парогенератор и неделю без чужих советов. Мир полон несбывшихся желаний.

На другом конце возникла пауза.

— Речь идёт о ситуации, сложившейся после вчерашнего мероприятия.

— Ситуация сложилась не после мероприятия. Она сложилась, когда ваш младший представитель решил, что женщин можно упаковывать как сезонный ассортимент.

— Сергей Павлович готов обсудить варианты цивилизованного урегулирования.

— Какое длинное название у слова «замять».

— Вы неверно понимаете тон разговора.

— Это у вас семейное?

Пауза стала холоднее.

— Варвара, Сергей Павлович может принять вас в офисе в одиннадцать.

— Не может.

— Простите?

— Не может принять меня. Я не записывалась. И не собираюсь ехать туда, где меня будут рассматривать как пятно на ковре.

— Тогда представитель компании приедет к вам.

Варвара посмотрела на мастерскую. На рулоны ткани, на старый стол, на коробку с нитками, на зеркало, у которого вчера ещё плакала клиентка, потому что платье впервые село без просьбы «потерпите, сейчас подтянем». Это место было маленьким, неглянцевым, местами усталым. Но это было её место.

— Представитель компании может приехать, — сказала она. — Только без команды подавления личности.

— Я передам.

— Передайте ещё, что кофе у меня растворимый, кресел из кожи редких животных нет, а если кто-то скажет слово «компенсация» раньше слова «извините», я включу прямой эфир.

На этот раз помощник молчал дольше.

— До свидания, Варвара.

— Уже лучше. Почти по-человечески.

Она отключилась и только тогда поняла, что улыбается.

Смеяться, правда, расхотелось через десять минут, когда она открыла новости.

Заголовки были разные, но одинаково неприятные.

«Скандал на модном вечере Vereshchagin Gallery: дизайнер plus-size поставила наследника империи на место».

«“Я вам не по карману”: сеть обсуждает конфликт Марка Верещагина и Варвары Соколовой».

«Бунт у технической двери: новая героиня русского фэшн-интернета или тонкий пиар?»

«Можно ли продать бодипозитив? Наследник Vereshchagin Gallery попал в неловкое видео».

Варвара прочитала последний заголовок и скривилась. Ей не нравилось, как быстро живого человека превращали в удобную тему. Ещё вчера она была уставшей женщиной с платьями. Сегодня — «героиня», «бунт», «пышка», «пиар», «символ», «конфликт», «тренд».

Никто не спрашивал, хочется ли ей быть всем этим.

Но сообщения о заказах продолжали приходить.

К девяти тридцати она уже составила список из двадцати трёх потенциальных клиенток, пяти предложений о съёмках, двух странных приглашений «в шоу о женской силе» и одного письма от магазина, который ещё месяц назад не ответил на её коммерческое предложение.

В письме теперь было написано: «Мы давно следим за вашим брендом».

— Конечно, — пробормотала Варвара, печатая ответ. — Следили так тихо, что я думала, вы умерли.

Она не успела отправить письмо, потому что у двери мастерской раздался стук.

Не звонок. Именно стук.

Три удара. Ровные, уверенные, без сомнения, что дверь откроют.

Варвара посмотрела на часы.

Десять ноль семь.

— Быстрые какие, — сказала она Агриппине-манекену. — Видимо, репутация горит ярче расписания.

Она подошла к двери и посмотрела в маленькое мутное стекло.

За дверью стоял Марк.

Не Сергей Павлович. Не помощник. Не безликий представитель. Сам Марк Верещагин, в тёмном пальто, с лицом человека, который за ночь не стал мягче, но стал опасно собраннее.

Рядом с ним — мужчина лет сорока с папкой в руках и выражением профессионального терпения.

Юрист, догадалась Варвара.

А в руке у Марка был плотный кремовый конверт.

Варвара открыла дверь не сразу. Сначала сняла со стула ярко-розовую ленту, которая валялась поперёк прохода, потом убрала с пола коробку, потом посмотрела на своё отражение в зеркале. Помада держалась. Взгляд тоже.

Только после этого она распахнула дверь.

— Марк Сергеевич. Какое совпадение. Я как раз думала, чего моей мастерской не хватает для счастья. Оказалось — мужчины с папкой и лицом судебного понедельника.

Юрист кашлянул.

Марк вошёл без приглашения. Вернее, сделал шаг, но Варвара не сдвинулась с места, и ему пришлось остановиться на пороге.

— Можно? — спросил он после короткой паузы.

Она приподняла брови.

— Вот. Видите, как быстро цивилизация входит в привычку.

— Варвара.

— Проходите. Только не наступите на ткань. Она здесь работает больше некоторых наследников.

Юрист снова кашлянул, на этот раз пряча усмешку. Марк бросил на него взгляд, и мужчина мгновенно стал серьёзным.

Они вошли.

Мастерская сразу стала казаться меньше. Не потому, что Марк был таким уж огромным, хотя места он занимал много. Просто он принёс с собой другой масштаб: дорогой коридор,

холодный офис, переговорные столы, фамилию на стеклянной двери. Всё это не помещалось между швейной машиной, манекеном Агриппиной и коробкой с пуговицами, но пыталось.

Варвара закрыла дверь.

— Чай, кофе, воду, чувство стыда?

— Ничего, — сказал Марк.

— Жаль. Последнее вам бы подошло.

Он снял пальто, огляделся. Варвара заметила этот взгляд сразу. Он был уже не таким грубым, как вчера. Более внимательным. Но всё равно оценочным. Он отмечал старый ремонт, узкое окно, лампы, ткани, рейлы, стол, маленький диван, чашку на полу, список заказов на доске.

Не дом.

Не мечту.

Актив.

Или проблему.

— Уютно, — сказал юрист, видимо, решив разрядить воздух.

— Спасибо. Это слово здесь впервые произнёс человек не с намерением снизить цену аренды.

Марк положил конверт на стол.

— Нам нужно закрыть вопрос.

Варвара посмотрела на конверт.

Он лежал на её рабочем столе так нагло, будто уже всё решил. Плотная бумага, идеальный край, дорогая простота. Наверняка внутри было столько денег, сколько хватило бы заплатить за аренду, ткани, свет, ремонт двери и нормальный диван, на котором клиентки не проваливались бы в середину как в эмоциональную яму.

Именно поэтому Варвара не коснулась конверта.

— Вопрос? — переспросила она.

— Видео. Комментарии. Публичная реакция.

— А я думала, вопрос в том, что вы оскорбили меня и моих клиенток.

— Я не говорил о ваших клиентках.

— Вы говорили о пышке у технической двери. У меня, Марк Сергеевич, плохая новость: я не единственная женщина в мире, которую ставили к выходу.

Юрист открыл папку.

— Варвара, компания Vereshchagin Gallery готова предложить вам компенсацию за моральные неудобства, возникшие в результате некорректной коммуникации на закрытом мероприятии.

Варвара медленно повернулась к нему.

— Как вас зовут?

— Кирилл Андреевич.

— Кирилл Андреевич, вы сейчас произнесли столько мягких слов, что ими можно обить комнату и спрятать внутри труп правды.

Юрист моргнул.

Марк посмотрел в сторону окна, словно собирался запастись терпением.

— Формулировки важны, — сказал Кирилл Андреевич.

— Правда важнее. Попробуйте так: «Наш клиент сказал гадость, его записали, теперь мы хотим, чтобы вы взяли деньги и перестали портить нам утро».

— Это эмоциональная трактовка.

— Это русский язык без дорогой упаковки.

Марк шагнул ближе к столу.

— Сумма в конверте покроет ваши текущие расходы и даст возможность развивать бренд.

Варвара скрестила руки на груди.

— О, вот и он. Мой любимый жанр. «Мы вас унизили, но зато теперь вы сможете оплатить ткань».

— Вы предприниматель. Вы должны понимать рациональную выгоду.

— Я предприниматель, а не коврик у входа.

— Никто не предлагает вам быть ковриком.

— Конечно. Вы предлагаете быть ковриком с премией.

На лице Марка мелькнуло раздражение.

— Вы делаете всё сложнее.

— Нет. Я делаю всё честнее.

— Честность не оплатит вам мастерскую.

Удар был точным.

Настолько точным, что Варвара на секунду ощутила, как внутри неприятно провалилась злость. Он видел. Даже за несколько минут увидел доску с долгами, стопку счетов, старую лампу, незакрытые коробки. Видел её реальность и сразу ударил туда, где тонко.

Ей захотелось сказать что-то смешное.

Не вышло.

— Зато деньги не вернут мне уважение к себе, если я продам молчание, — сказала она тише.

Марк тоже это услышал. И, кажется, впервые за всё утро понял, что перед ним не просто женщина, которой нравится спорить.

В мастерской стало тихо.

С улицы доносился шум машин. На столе лежал конверт. Экран телефона мигал новыми сообщениями. Агриппина в углу, как всегда, молчала с видом судьи.

— Варвара, — начал юрист осторожно, — мы не просим вас продавать молчание. Речь о взаимном урегулировании. Компания может опубликовать нейтральный комментарий, вы подтверждаете, что конфликт исчерпан, удаляете у себя репосты и не поддерживаете дальнейшее распространение записи.

— А Марк Сергеевич?

— Что — Марк Сергеевич? — спросил сам Марк.

— Он что делает?

— Я уже здесь.

— Великолепно. Присутствие мужчины в комнате — теперь форма извинения?

— Вы хотите извинений?

Варвара рассмеялась. Не весело.

— Я хочу, чтобы вы хотя бы раз за сутки не говорили так, будто извинение — это вещь, которую можно выдать со склада по заявке.

Он сжал губы.

— Хорошо. Мне жаль, что ситуация приобрела такую форму.

— Нет.

— Что — нет?

— Это не извинение. Это траур по вашему комфорту.

Кирилл Андреевич тихо закрыл папку, видимо, поняв, что стандартный сценарий начал дымиться.

Марк опёрся ладонями о край стола. Не сильно. Но достаточно, чтобы между ними появилось то самое напряжение, которое вчера в зале заставило людей замолчать.

— Что вы хотите?

Варвара посмотрела на него.

Вот теперь вопрос был правильный.

Не «сколько». Не «чем закрыть». Не «как убрать». А «что вы хотите».

Она могла сказать: публичных извинений. Могла потребовать деньги, но не за молчание, а за ущерб. Могла попросить контракт, рекламу, витрину, доступ к его аудитории. Могла выгнать его и записать прямой эфир о том, как Марк Верещагин приехал купить её в мастерской.

Все варианты были сладкими.

И все — маленькими.

Потому что ночью, пока уведомления жгли телефон, Варвара поняла одну неприятную вещь: скандал — это дверь. Но если просто стоять в проёме и кричать, тебя быстро оттолкнут. Надо войти. Занять место. Поставить своё имя там, где вчера его произносили снисходительно.

Она подошла к столу, взяла телефон и включила камеру.

Марк мгновенно выпрямился.

— Что вы делаете?

— Документирую момент, когда вы спросили женщину, чего она хочет. Историческое событие. Вдруг больше не повторится.

— Вы не будете это снимать.

— Буду.

— Варвара, — вмешался Кирилл Андреевич, — любая запись без согласования осложнит переговоры.

— Прекрасно. Значит, переговоры наконец узнают, как я себя чувствую.

Она поставила телефон на маленький штатив, который обычно использовала для съёмки примерок, и нажала запись. Красный значок в углу экрана зажёгся маленьким глазом.

Варвара встала перед камерой так, чтобы в кадр попадали она, Марк, стол и тот самый кремовый конверт.

— Доброе утро, — сказала она в камеру. — Для тех, кто вчера видел видео с модного вечера Vereshchagin Gallery и спрашивал, что будет дальше. Дальше вот что. Марк Верещагин приехал ко мне в мастерскую.

Марк сделал шаг вперёд.

— Выключите.

— Нет.

— Это частная встреча.

— Вы вчера тоже думали, что разговор частный. Видите, как много мы узнаём друг от друга.

— Это манипуляция.

— Нет, Марк Сергеевич. Манипуляция лежит на столе в конверте. А это — свет.

Он посмотрел на конверт так, будто впервые увидел, насколько некрасиво тот выглядит в её мастерской.

Варвара продолжила:

— Мне предложили решить вопрос. Я решила. Только не так, как от меня ждали. Я не беру деньги за молчание. Не удаляю своё имя из этой истории. Не делаю вид, что вчера ничего не произошло. Вместо этого я предлагаю Марку Верещагину честную сделку.

Кирилл Андреевич резко поднял голову.

— Какую сделку?

Варвара не отвела взгляда от камеры.

— Vereshchagin Gallery на один месяц предоставляет центральную витрину и часть торгового пространства под мою коллекцию. Не в углу. Не возле выхода. Не в качестве милого жеста разнообразия. В центре. Там, где вчера мне якобы не было места.

Марк смотрел на неё так, будто она не просто перешла границу, а вынесла её, покрасила в розовый и поставила себе в мастерской.

— Вы с ума сошли, — сказал он.

— Возможно. Но аудитории нравится.

— Центральная витрина не выдаётся по капризу.

— Конечно. Она выдаётся по коммерческой целесообразности. У меня за ночь двадцать три предзаказа, четыре предложения о съёмке и один магазин, который внезапно «давно следит за моим брендом». А у вас — видео, где наследник премиальной сети объясняет, как можно продать пышку у технической двери. Давайте не будем делать вид, что вы сейчас в сильной позиции.

Юрист посмотрел на Марка. Тот молчал.

Варвара сделала шаг к столу и взяла в руки вишнёвую ткань, лежавшую на краю.

— Коллекция будет называться «Не по карману». В ней будут платья для женщин, которым всю жизнь говорили «на вас такого нет». Размерный ряд — нормальный человеческий, а не фантазия витринного манекена. Рекламная кампания — с реальными женщинами, не только с профессиональными моделями. Истории — настоящие. Фотографии — честные. Продажи — прозрачные. И да, часть прибыли с первой партии пойдёт на бесплатные выпускные платья для девушек, которым в обычных салонах предлагают либо спрятаться, либо не мечтать.

Она говорила и сама слышала, как идея рождается прямо во время речи. Не полностью готовая, не отполированная, но живая. Такая живая, что у неё самой внутри всё отзывалось.

Лица.

Женщина с изумрудным платьем.

Алла Романовна.

Девочки в примерочных.

Сама Варвара много лет назад, стоящая перед зеркалом в чужом невзрачном платье и делающая вид, что ей не хотелось праздника.

— Вы используете скандал, — сказал Марк.

— Да. А вы хотели использовать меня. Наконец у нас общий язык.

— Это удар по позиционированию бренда.

— Нет. Это шанс доказать, что ваша «новая роскошь» не заканчивается на размере сорок два.

— Вы не понимаете нашу аудиторию.

— А вы не понимаете мою. В этом и веселье.

Марк резко повернулся к юристу.

— Камеру выключить.

— Не советую, — сказала Варвара. — Запись уже сохраняется. И да, если вы сейчас начнёте давить, это тоже будет прекрасный контент. Называется «Как богатые мужчины реагируют на слово нет, часть вторая».

— Вы шантажируете меня публичностью.

— Я защищаюсь ею. Разница огромная, но вам, возможно, нужен перевод на язык денег.

Он посмотрел на неё долго. Слишком долго. В его взгляде билась злость, но рядом с ней уже работал расчёт. Варвара почти видела, как он мысленно считает риски: отказ, утечка, новая волна, падение симпатий, поддержка женщин, комментарии, бренды, конкуренты, отец, совет директоров, продажи, заголовки.

Её тоже трясло.

Не сильно. Но внутри. Потому что она понимала: сейчас блефовала на половину своей будущей жизни. У неё не было команды, склада, крупного производства, идеальной коллекции и денег на месяц в центральной витрине. У неё была мастерская, несколько платьев, список предзаказов, злость и камера.

Иногда революции начинались с худшего набора инструментов.

— Допустим, — сказал Марк наконец, — я рассматриваю возможность.

Кирилл Андреевич едва заметно повернулся к нему.

Варвара сохранила лицо, хотя внутри кто-то уже подпрыгнул и тут же получил от неё мысленный приказ сидеть тихо.

— Я слушаю.

— Не на месяц.

— На месяц.

— Неделя.

— Месяц.

— Две недели.

— Месяц, Марк Сергеевич. Вы же сами вчера сказали, что формат создают деньги. Вот и создайте. Не словами.

Он усмехнулся.

— Вы быстро учитесь бить чужими фразами.

— У меня хорошая память на хамство.

— Центральная витрина невозможна.

— Тогда разговор окончен.

Она потянулась к телефону.

— Подождите, — сказал Кирилл Андреевич.

Марк бросил на него резкий взгляд.

Юрист говорил спокойно, но уже не по бумаге. Как человек, который тоже посчитал.

— С точки зрения кризисной коммуникации, публичный разворот в сторону поддержки локального бренда может снизить негатив. Особенно если инициатива будет оформлена как совместный проект с социальным компонентом и коммерческой перспективой.

— Спасибо, Кирилл Андреевич, — Варвара улыбнулась. — Вот видите, у вас в команде есть человек, который иногда открывает окно.

— Не радуйтесь раньше времени, — сказал Марк.

— Я вообще редко радуюсь раньше оплаты.

— Будут условия.

— Разумеется. У меня тоже.

Он окинул её взглядом.

— Ваши?

Варвара подошла к доске, взяла маркер и перевернула лист с заметками так, чтобы чистая сторона оказалась сверху.

— Первое. Центральная витрина Vereshchagin Gallery. Не боковая, не внутренняя, не «мы поставили вас рядом с лестницей, но это тоже поток». Центральная.

Она написала: «1. Центральная витрина».

— Второе. Моя коллекция под моим именем. Не как часть вашего бренда, не как капсула без авторства, не «Vereshchagin Gallery представляет неизвестную талантливую женщину, которую вчера случайно оскорбили».

Она написала второй пункт.

— Третье. Я сама утверждаю модели, размеры, съёмку, тексты и визуальную подачу. Ваши специалисты могут советовать, но не командовать. Слово «смягчить» запрещено под угрозой изгнания из мастерской.

— Вы не можете управлять всем процессом, — сказал Марк.

— Могу. Я им управляла, когда у меня был один стол, три клиентки и машинка, которая шила громче соседского ремонта.

— Масштаб другой.

— Поэтому вы и нужны. Как ресурс. Не как хозяин.
Его лицо стало опасно спокойным.

— Осторожнее.

— Я и так стою в своей мастерской с двумя мужчинами, один из которых принёс деньги за моё молчание. Куда уж осторожнее.

Кирилл Андреевич посмотрел в папку, но Варвара заметила, что уголок его рта дёрнулся. Она написала третий пункт.

— Четвёртое. Рекламная кампания строится не на жалости. Никаких «поможем женщинам принять себя» с лицами благотворителей. Мы не бедствие. Мы клиентки. Мы аудитория. Мы деньги. Мы красота. Мы выбор.

Марк ничего не сказал.

Но смотрел внимательно.

— Пятое. Вы, Марк Сергеевич, участвуете публично.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Тогда забирайте конверт и идите спасать фамилию самостоятельно.

— Я не буду становиться лицом вашего бунта.

— Конечно нет. Лицо бунта я. Вы будете лицом мужчины, который сначала ошибся, а потом хотя бы попытался сделать не хуже.

— Как щедро.

— Я сегодня добрая. Спала на полу, смягчилась.

Он отвёл взгляд к окну. Варвара видела, как ему не нравится эта ловушка. Если он откажется, она выглядит правой. Если согласится, она получает его витрины и его имя. И в обоих случаях он уже не может просто вернуться в свой зал и сделать вид, что техническая дверь закрылась.

— В чём должно выражаться моё участие? — спросил он.

— Придёте в мою мастерскую. Лично. Без охраны, без помощников, без свиты, без Миланы в серебре и без людей, которые говорят «визуальная иерархия» с лицом мебельного каталога.

— Милана здесь ни при чём.

— Она вчера принесла мне вашу фразу про риск для эстетики. Так что при чём. Но сейчас не о ней.

— И что я, по-вашему, буду делать в вашей мастерской?

Варвара посмотрела на рейл с чехлами.

— Работать.

Марк медленно повернул голову.

— Что?

— Разбирать коробки, отпаривать платья, таскать рейлы, слушать клиенток, держать ткань, когда я режу, и молчать, когда очень захочется командовать.

В мастерской наступила такая тишина, что даже улица за окном будто притихла.

Кирилл Андреевич очень осторожно снял очки и протёр их платком, хотя они были чистыми.

— Вы предлагаете наследнику Vereshchagin Gallery таскать коробки? — спросил Марк.

— Нет. Я предлагаю Марку Верещагину впервые узнать, сколько весит то, что он вчера хотел упаковать.

Он смотрел на неё.

Долго.

Злость никуда не ушла. Но рядом с ней снова появился интерес. Тот самый, опасный, неприятный, из-за которого Варваре хотелось проверить, ровно ли лежит помада. Она не проверила. Назло.

— Вы наслаждаетесь, — сказал он.

— Немного.

— Это месть?

— Нет. Месть была бы заставить вас весь день отвечать на комментарии под видео. Работа в мастерской — воспитательная экскурсия.

— Я не ребёнок.

— Тогда перестаньте обижаться на правила.

Он сделал шаг к доске и прочитал пункты. Варвара стояла рядом, чувствуя запах его парфюма — дорогого, сдержанного, слишком уверенного. Он был близко. Слишком близко для человека, которого она собиралась использовать как ресурс и одновременно мечтала выставить за дверь.

— Вы понимаете, что я могу сделать похожий проект без вас? — сказал он.

— Можете. Найдёте послушную девушку, оденете её в правильное платье, напишете текст про смелость и через неделю получите в комментариях: «А где та самая, которая сказала, что вы ей не по карману?» Ваша проблема, Марк Сергеевич, в том, что интернет уже выбрал героиню. И это не вы.

Он усмехнулся.

— Вы опасная.

— Нет. Просто меня наконец услышали.

Слова вышли тише, чем она хотела.

Марк тоже услышал это изменение. Его взгляд на мгновение стал не таким жёстким. Очень ненадолго. Так быстро, что Варвара почти решила, будто ей показалось.

— Кирилл, — сказал он, не отводя глаз от Варвары. — Составьте предварительное соглашение.

Юрист на секунду застыл.

— Марк Сергеевич, это решение требует согласования с Сергеем Павловичем и коммерческим отделом.

— Составьте.

— Центральная витрина на месяц?

— Предварительно.

— Публичное участие?

Марк скривился.

— Формулировку подберём.

— Нет, — сказала Варвара. — Формулировку подберу я. Публичное участие — это не «поддержка инициативы». Это вы приходите сюда и работаете. Видеоотчёты — короткие, без унижения, но честные.

— Вы не будете выставять меня идиотом.

— Не буду. Если не поможете.

Кирилл Андреевич снова кашлянул, и на этот раз уже точно от смеха.

Марк повернулся к нему.

— Вас что-то забавляет?

— Нет, Марк Сергеевич. Просто фиксирую динамику переговоров.

— Фиксируйте молча.

Варвара подошла к столу, взяла лист бумаги, написала сверху: «Сделка» — и подвинула к юристу.

— Давайте на простом языке. Потом упакуете в свои «стороны обязуются не препятствовать».

— Черновик на бумаге не имеет юридической силы, — сказал Кирилл Андреевич.

— Зато имеет человеческую. Начнём с редкого.

Марк достал телефон.

— Я должен сделать звонок.

— Отойдите к окну. И да, если будете говорить про «эту женщину», говорите громче. Мне интересно, с какой интонацией меня продают старшему Верещагину.

Он посмотрел на неё тяжело, но отошёл.

Варвара не слышала всего разговора. Только отдельные фразы.

— Да, я у неё...

— Видео уже у крупных каналов...

— Нет, силовой вариант ухудшит...

— Потому что она не возьмёт деньги...

— Отец, сейчас не тот случай...

Последнее слово заставило Варвару невольно повернуться.

Отец.

Не Сергей Павлович. Отец.

В голосе Марка что-то изменилось. Не сломалось, нет. Но стало суше, ниже, жёстче. Так говорят люди, которые заранее знают, что их будут не слушать, а оценивать.

— Я понимаю, что ты считаешь это моей ошибкой, — сказал Марк в телефон. — Но исправлять её буду я.

Пауза.

— Нет. Не твоим способом.

Он отключился.

Несколько секунд стоял у окна, спиной к ним. Варвара заметила, как напряжены его плечи. Вчера ей казалось, что у таких людей нет спин — только фасады. А сейчас этот фасад стоял у её окна, слушал шум улицы и, кажется, впервые за сутки не знал, какую фразу сказать следующей.

Потом Марк повернулся.

— У вас есть сутки, чтобы предоставить список моделей, ассортимент, предварительный расчёт и концепцию витрины.

— У меня есть сутки? Как щедро. Может, ещё разрешите дышать по графику?

— Через сутки начнут работать конкуренты. Через двое история изменится. Через трое вы станете мемом, а не брендом.

Варвара хотела огрызнуться, но не стала.

Потому что он был прав.

Это раздражало сильнее хамства.

— Хорошо, — сказала она. — Сутки.

— Витрина — при условии утверждения концепции.

— При условии взаимного утверждения.

— Не перегибайте.

— Я ещё даже не начала.

Кирилл Андреевич уже писал. Быстро, аккуратно, профессионально. Варвара наблюдала за его рукой и вдруг поняла, что происходит невероятное: её вчерашний ответ превращался в документ.

Не в пост.

Не в спор.

В документ.

Бумага шуршала по столу, и этот звук был почти приятным.

Пока Марк не взял конверт и не подтолкнул его к ней снова.

— Это не за молчание, — сказал он. — Аванс на подготовку коллекции.

Варвара посмотрела на конверт.

Вот так они и делают, подумала она. Меняют название — и вещь становится будто другой. Не покупка, а поддержка. Не давление, а предложение. Не слабость, а рациональность.

Ей нужны были эти деньги. До боли нужны. До стыда. До желания схватить конверт и сказать: «Да, беру, потому что мне надо платить людям, покупать ткань, выжить в этом городе и не делать вид, что гордость кормит лучше заказа».

Но если она возьмёт сейчас, именно из его руки, до договора, до условий, до первого реального шага, это останется между ними как маленькая невидимая цепочка.

Она взяла конверт двумя пальцами и вернула ему.

— Нет.

— Варвара.

— Аванс переводится на расчётный счёт после подписания соглашения. С назначением платежа. Прозрачно. Без конвертов. Я, может, и ночевала на полу, но не настолько романтична.

Кирилл Андреевич одобрительно кивнул, прежде чем успел себя остановить.

Марк убрал конверт во внутренний карман пальто.

— Вы сложный человек.

— Я дорогая женщина. Мы это уже обсуждали.

Он неожиданно улыбнулся. Не широко. Не тепло. Но по-настоящему. На одну секунду его лицо стало моложе и опаснее одновременно.

— Не по карману, — сказал он.

— Вот. Запоминаете.

— Не радуйтесь. Я ещё не решил, что вы мне нравитесь как партнёр.

— А я уже решила, что вы мне не нравитесь как человек. Но бизнес иногда требует жертв.

— Смело говорите это человеку, который даёт вам витрину.

— Неверно. Я беру витрину у человека, который задолжал мне уважение.

Марк хотел ответить, но Кирилл Андреевич поднял лист.

— Черновик готов.

Все трое склонились над столом. Варвара прочитала текст внимательно, несколько раз останавливаясь на длинных фразах.

— Вот это убрать, — сказала она, указывая пальцем. — «Стороны признают отсутствие взаимных претензий». Претензии у меня есть. Просто я согласна не превращать их в отдельный вид искусства, пока вы выполняете условия.

Юрист исправил.

— Вот здесь: «ограниченное использование имени». Нет. Моё имя используется только рядом с моим брендом и только по согласованным материалам.

Исправил.

— Здесь: «представитель Vereshchagin Gallery». Нет. Конкретно Марк Сергеевич. А то пришлёте мальчика из отдела маркетинга с лицом, которое ещё не умеет страдать.

Марк посмотрел на неё.

— Вы правда хотите видеть меня здесь?

Варвара подняла глаза.

Правда?

Нет.

Да.

Не знала.

Ей хотелось, чтобы он пришёл и увидел. Не её как «пышку у двери», не скандал, не возможность, а работу. Тяжёлую, нервную, живую. Женщин, которые заходят в мастерскую втянув голову, а выходят так, будто им наконец вернули спину. Ткань, которая не терпит высокомерия. Платья, которые не становятся красивее от чужой снисходительности.

И ещё ей хотелось проверить, что останется от Марка Верещагина, если убрать зал, свиту, фамилию и привычку командовать.

— Хочу, — сказала она. — Потому что иначе вы снова решите, что всё можно понять издалека.

Он промолчал.

Юрист вписал его имя.

Когда все пункты были готовы, Кирилл Андреевич распечатать ничего не мог, конечно, поэтому сделал фотографии листа, отправил куда-то, получил ответ, потом составил короткое предварительное соглашение в электронном виде. Варвара читала с телефона медленно, вслух, иногда останавливаясь и задавая вопросы, которые, по лицу юриста, были на удивление правильными.

Марк стоял рядом и молчал.

Это было, пожалуй, самым странным событием утра.

Когда документ наконец был готов к электронной подписи, Варвара вдруг почувствовала, как сильно устала. Не физически даже. Усталость была глубже: от необходимости быть острой, сильной, осторожной, юридически внимательной, публично смелой, внутренне собранной и всё ещё не забыть, что к обеду надо ответить клиентке насчёт зелёного платья.

— Подписывайте, — сказал Марк.

Она посмотрела на экран.

Подпись.

Одна кнопка.

И её маленькая мастерская окажется связана с Vereshchagin Gallery. С ним. С его фамилией. С его отцом. С тем самым миром, который вчера поставил её к техническому выходу.

— Варвара, — сказал Марк тише. — Вы сами этого хотели.

Она подняла взгляд.

— Я хотела витрину. Не вас в комплекте.

— К сожалению, акция временно не разделяется.

И это было почти смешно.

Почти.

Она нажала кнопку.

Марк подписал следом.

Кирилл Андреевич облегчённо выдохнул и тут же сделал вид, что просто глубоко вдохнул для здоровья переговоров.

— Поздравляю, — сказал он. — Предварительное соглашение заключено.

Варвара посмотрела на Марка.

— Не поздравляйте раньше времени. Он ещё коробки не носил.

— Когда я должен явиться? — спросил Марк.

— Завтра. В девять утра.

— В десять.

— В девять.

- У меня встреча.
- Перенесёте. У меня ткани.
- Соколова.
- Верещагин.

Они смотрели друг на друга через стол, и Варвара вдруг поняла, что ей больше не хочется отступать. Ни на шаг. Не из гордости даже. Просто она впервые за долгое время чувствовала, что взяла в руки не только ткань, но и собственный поворот судьбы.

- В девять тридцать, — сказал Марк.
 - В девять пятнадцать.
 - Вы торгуетесь из принципа?
 - А вы опаздываете из сословной привычки?
- Он сжал губы.
- Девять пятнадцать.
 - Без охраны.
 - У меня нет привычки ходить с охраной в мастерские.
 - У вас вообще, судя по всему, нет привычки ходить в мастерские.
 - Без помощников, — добавил он.
 - И без права командовать.
 - Это невозможно.
 - Учитесь невозможному. Оно полезно для лица.

Кирилл Андреевич собрал бумаги. Марк надел пальто, но перед уходом задержался у двери. Варвара уже думала, что он скажет что-то резкое, финальное, в его стиле. Но он вдруг посмотрел на вишнёвое платье, висевшее на отдельном рейле.

- Почему именно это? — спросил он.
- Что?
- Его все хотят. Почему?

Варвара подошла к платью и поправила рукав.

- Потому что оно не просит женщину стать меньше.

Он посмотрел на неё. Не на платье — на неё.

- Это продаётся?
- Лучше, чем вы думаете.
- Посмотрим.

— Посмотрим, — согласилась Варвара. — Только завтра будете смотреть не из зала для важных людей, а отсюда. Из-за моего рабочего стола.

Марк взялся за ручку двери.

- Варвара.
- Что?

— Не выкладывайте запись до вечера. Дайте нам время подготовить официальный комментарий.

Она чуть прищурилась.

- Нам?
- Вам тоже нужна правильная подача. Иначе вас сожрут быстрее, чем поддержат. Слово было грубым, но не пустым. Он не угрожал. Он предупреждал.

Варвара посмотрела на телефон со всё ещё включённой записью. Потом выключила камеру.

— До вечера, — сказала она. — Но если в вашем комментарии будет хоть один намёк, что я неправильно поняла ситуацию, запись улетит в сеть быстрее, чем ваше чувство превосходства успеет надеть пальто.

- Принято.

Он открыл дверь.

— Марк Сергеевич, — окликнула она.

Он обернулся.

Варвара взяла маркер, подошла к соглашению, которое Кирилл Андреевич оставил ей в распечатанном черновике для пометок, и внизу, под списком условий, крупно написала:

«Штраф за высокомерие — одно публичное извинение».

Кирилл Андреевич тихо издал звук, похожий на подавленный смешок.

Марк прочитал. Потом поднял взгляд на Варвару.

— Это не имеет юридической силы.

— Зато имеет воспитательную.

— Вы невыносима.

— Завтра в девять пятнадцать узнаете, как это работает в производственных условиях.

Он смотрел на неё ещё секунду. И снова эта странная, короткая улыбка тронула его губы — раздражённая, опасная, почти живая.

— До завтра, Соколова.

— Не опаздывайте, Верещагин.

Дверь закрылась.

Варвара осталась одна посреди мастерской.

Одна — если не считать Агриппину, телефоны, ткани, подписанный договор и ощущение, что её жизнь только что сделала шаг туда, где больше не будет тихо.

Она подошла к окну и увидела, как Марк садится в машину. Кирилл Андреевич что-то говорил ему, активно жестикулируя папкой. Марк не слушал. Он смотрел на дверь мастерской.

На её дверь.

Телефон в руке Варвары снова завибрировал.

Новое сообщение пришло с официальной страницы Vereshchagin Gallery.

«Сегодня в 20:00 мы сделаем заявление о совместном проекте с дизайнером Варварой Соколовой».

Следом пришло второе.

От Лики.

«Варя, что происходит? В сети пишут, что вы теперь работаете с Марком Верещагиным. Это правда?»

Варвара посмотрела на лист с её собственным дерзким пунктом про штраф за высокомерие. Потом на вишнёвое платье. Потом на дверь, за которой только что исчез мужчина, которого она терпеть не могла и который неожиданно стал её пропуском в самую дорогую витрину города.

Она набрала Лике:

«Правда. Завтра мажор приходит в мастерскую. Будем учить его не путать женщин с товаром».

Отправила.

И только после этого заметила, что в сети уже появился новый заголовок:

«Ставка на пышку: Марк Верещагин готовит неожиданный ход после скандала».

Варвара медленно села на край стола.

— Ставка, значит, — сказала она пустой мастерской.

На экране всплыло новое сообщение с неизвестного номера.

«Варя, осторожнее. Для него это может быть не сделка. Это может быть спор».

Она перечитала фразу дважды.

Потом подняла глаза на дверь.

И впервые за утро ей стало по-настоящему холодно.

Глава 3. Мажор у швейной машинки

Сообщение с неизвестного номера висело на экране слишком спокойно для фразы, которая испортила Варваре весь остаток утра.

«Варя, осторожнее. Для него это может быть не сделка. Это может быть спор».

Она перечитала его ещё раз. Потом ещё. Потом нажала на номер, посмотрела пустой профиль, отсутствие фотографии, отсутствие имени и почувствовала, как в груди неприятно стянулось.

Спор.

Слово было мерзким не само по себе. Варвара любила спорить. Иногда даже слишком. Но в её мире спор означал две чашки чая, кусок ткани между пальцами, спор о длине рукава, о цвете подкладки, о том, можно ли надеть красное на свадьбу сестры бывшего мужа и не выглядеть как женщина, пришедшая сжечь мосты.

В мире Марка Верещагина спор мог означать совсем другое.

Пари.

Ставку.

Развлечение людей, которым скучно жить без побед над теми, кто заранее слабее.

Варвара медленно положила телефон экраном вниз. Потом подняла его снова. Потом открыла переписку с Ликой, хотела переслать ей сообщение, но передумала. Лика была хорошей девочкой, слишком открытой, слишком тонкой для чужих игр. Не надо было тащить её в тревогу раньше времени.

На официальной странице Vereshchagin Gallery тем временем уже появился сухой, вылизанный до блеска анонс:

«Vereshchagin Gallery запускает совместный проект с дизайнером Варварой Соколовой. Подробности сегодня в 20:00».

Варвара прочитала и скривилась.

— Совместный проект, — сказала она Агриппине-манекену. — Как будто мы с ним вчера не мерились гордостью у стола, а мило выбирали салфетки.

Агриппина молчала с видом женщины, которая давно всё поняла про мужчин в дорогих пальто и предпочитает не тратить на них ткань.

До вечера Варвара работала так, будто могла зашить тревогу в швы.

Она отвечала клиенткам, составляла список моделей для коллекции, снимала мерки с уже готовых платьев, проверяла остатки ткани, считала, сколько людей ей нужно будет привлечь, чтобы не умереть под этой внезапной витриной. Слово «витрина» теперь звучало не как мечта, а как большой стеклянный зверь, которого надо было либо оседлать, либо он сожрёт её вместе с нитками, гордостью и старым диванчиком.

К восьми вечера заявление вышло.

В нём было много красивого: «новое понимание роскоши», «женская индивидуальность», «поддержка локального дизайна», «диалог с аудиторией». Не было только одной простой фразы: «Марк Верещагин был неправ».

Варвара прочитала текст до конца, молча открыла сохранённое видео утренней встречи и уже почти нажала публикацию.

Почти.

Потом увидела, что ниже официального поста появился новый комментарий. От личной страницы Марка.

«Завтра я лично приеду в мастерскую Варвары Соколовой, чтобы начать работу над проектом. Вчера я сказал недопустимые вещи. Сегодня у меня есть возможность не прятаться за чужими формулировками».

Варвара смотрела на эти две строки дольше, чем хотела бы признаться.

Не извинение.

Но уже не бегство.

Она закрыла телефон и только тогда поняла, что всё это время держала плечи так напряжённо, будто ждала удара.

— Ладно, Верещагин, — сказала она тихо. — Один балл за попытку не выглядеть совсем безнадежно.

Утром Марк опоздал на три минуты.

Три минуты — не катастрофа. Если бы речь шла о нормальном человеке.

Но когда к мастерской в девять восемнадцать подъехала чёрная машина, Варвара уже стояла у окна с секундомером в телефоне и выражением лица женщины, которая получила маленький, но законный повод для воспитательной работы.

Марк вышел без водителя у двери, без юриста, без Миланы и без папки. В тёмных брюках, светлой рубашке под дорогим джемпером и пальто, которое смотрелось рядом с её облупленной входной дверью как оскорбление местной архитектуры. В руках у него не было ничего.

Варвара открыла дверь раньше, чем он постучал.

— Три минуты, — сказала она вместо приветствия.

Марк посмотрел на неё. Потом на телефон в её руке.

— Вы засекали?

— Разумеется. Я же должна знать, сколько стоит ваше слово по курсу утра.

— На Садовом пробка.

— Трагедия. У женщин в платьях тоже бывают пробки, только их обычно называют «я не влезаю в то, что мне дали, но все делают вид, что виновата я». Проходите.

Он вошёл и оглядел мастерскую так, будто вчера она была одной, а сегодня стала другой. Возможно, потому что теперь на каждом стуле что-то лежало. Рулоны ткани стояли у стены, коробки занимали половину прохода, на столе были разложены выкройки, рядом с окном висели три платья, требующие отпаривания, а на диванчике лежала стопка заказов с приколотыми бумажками.

— У вас здесь... — начал Марк.

— Рабочий хаос, — закончила Варвара. — Не путать с творческим беспорядком. Творческий беспорядок показывают в красивых фильмах, а рабочий хаос наступает на ногу коробкой с фурнитурой.

— Я хотел сказать: тесно.

— Какое тонкое наблюдение от мужчины, который вчера владел целым залом и всё равно не нашёл мне места.

Он снял пальто и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Куда можно положить телефон?

— В коробку.

— Простите?

Варвара взяла с полки пустую картонную коробку с надписью «ленты» и поставила её на стол.

— Сюда.

— Вы шутите.

— Нет. Сегодня вы работаете руками, а не большим пальцем по экрану.

— У меня рабочие звонки.

— У меня тоже. Только если я буду отвечать на каждый, платье само себя не дошивает, ткань сама себя не режет, а ваши витрины сами себя не заслуживают.

Телефон Марка завибрировал в руке, словно решил выступить свидетелем защиты.

Он посмотрел на экран.

Варвара смотрела на него.

— Это отец, — сказал Марк.

— Передавайте ему привет от технического выхода.

— Варвара.

— Марк.

Он несколько секунд держал телефон, потом отклонил вызов и положил аппарат в коробку.

Варвара почувствовала маленькое, почти неприличное удовольствие.

— Отлично. Первый шаг к человеческому труду сделан.

— Надеюсь, это будет занесено в летопись вашего бренда.

— Если будете хорошо себя вести, дам вам подпись: «Мажор. До. После первой коробки».

Он посмотрел на коробки у стены.

— Что нужно делать?

Вот это было неожиданно.

Она готовилась к спору. К пафосной фразе. К демонстративному «давайте быстрее, у меня день расписан». Но он спросил почти нормально. Без тепла, конечно. До тепла ему было как до умения просить прощения без свидетелей. Но всё же нормально.

Варвара взяла список.

— Для начала разберёте поставку. В этой коробке молнии, в этой — подкладка, в этой — плечики, здесь ленты, здесь пакеты, здесь бирки. Всё по полкам. Подписи есть. Не перепутаете — получите моральную конфетку.

— Реальную нельзя?

— Нельзя. У меня бюджет после вашего скандала всё ещё не стал резиновым.

Марк подошёл к первой коробке, присел, открыл клапаны и достал упаковку молний. Делал он это с таким выражением лица, будто оперировал семейный герб. Варвара удержалась от комментария. Ровно на восемь секунд.

— Осторожнее. Молнии не кусаются, если не показывать им превосходство.

— Вы собираетесь комментировать каждое моё движение?

— Только неудачные. Так что, возможно, да.

Он поднял на неё взгляд.

И вдруг, совершенно некстати, Варвара заметила, что в утреннем свете он выглядит иначе. Вчера и позавчера его окружала роскошь, и он был её частью — дорогой, холодной, почти декоративной. Здесь, среди коробок, он казался слишком настоящим для своего костюма. Немного неуместным. Немного раздражённым. Немного живым.

И всё равно слишком красивым, чтобы это не бесило.

— У вас мел на полу, — сказал он.

— Это мастерская.

— Я уже понял.

— Нет, вы ещё только знакомитесь с реальностью, где белое может испачкаться.

Он посмотрел на свои тёмные ботинки. На носке одного уже появилась светлая полоска от портновского мела.

— Прекрасно.

— Не переживайте. Теперь они выглядят так, будто сделали в жизни что-то полезное.

Марк промолчал.

До десяти утра они работали почти мирно.

Почти — потому что Марк три раза пытался «оптимизировать пространство», два раза перекладывал коробки туда, где Варвара потом спотыкалась взглядом, один раз назвал фурнитуру «мелкими комплектующими» и получил от неё лекцию на тему того, что пуговица может решить судьбу платья быстрее, чем совет директоров — судьбу бренда.

Телефон в коробке вибрировал каждые несколько минут.

Сначала Марк только косился на него. Потом начал сжимать челюсть. Потом всё же потянулся.

Варвара хлопнула ладонью по крышке коробки.

— Нет.

— Это может быть важно.

— Важное обычно не умирает за два часа. Проверено малым бизнесом.

— Мой отец не относится к малому бизнесу.

— Сочувствую. Наверное, ему сложно помещаться в разговорах.

Марк посмотрел на неё так, будто хотел сказать многое, но выбрал молчание. Опять.

Это начинало настораживать.

— Вы сегодня подозрительно терпеливы, — заметила Варвара.

— Я подписал условия.

— Некоторые люди подписывают, чтобы потом спорить с каждым пунктом.

— Я не некоторые люди.

— Конечно. Вы уникальный мужчина, который опоздал на три минуты и уже герой.

Он положил очередную пачку плечиков на полку.

— Вы всегда так держите дистанцию?

Варвара подняла глаза от выкройки.

— Как?

— Шутками. Уколами.

Она застыла на долю секунды из-за слова, которое неприятно зацепилось за список запретов в её голове, но быстро отпустила момент. Он говорил не о том, что нельзя. Он говорил о её способе защищаться. О ней.

— Лучше шутками, чем конвертами, — ответила она.

— Я вчера понял.

— Быстро вы. Обычно людям с фамилиями нужно три поколения.

Он вернулся к коробке.

— Меня не обязательно бить моей фамилией в каждом разговоре.

Варвара отложила мелок.

— А меня не обязательно было бить моим телом в первом.

Он ничего не сказал.

И вот это молчание уже не было высокомерным. Оно было тяжёлым. Непривычным. Как будто ему пришлось взять в руки вещь, которая весила больше, чем он рассчитывал.

В дверь позвонили.

Варвара посмотрела на часы.

— Рано.

— Кто это?

— Клиентка. А вы пока берите отпариватель.

— Что брать?

— Вон тот аппарат с трубкой и вешалкой.

Марк медленно повернул голову.

— Вы хотите доверить мне платье?

— Нет. Я хочу доверить вам пар на расстоянии от платья. Это начальный уровень цивилизации.

— Я не умею.

— Научитесь. Не боги отпаривали шифон.

Она открыла дверь.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, в бежевом пальто, с аккуратной причёской и лицом, на котором заранее было написано извинение за собственное существование. В руках она держала пакет с туфлями.

— Здравствуйте, я Оксана, — сказала она. — Мы переписывались насчёт синего платья. Я немного раньше. Простите, если неудобно. Я могу подождать на улице.

— Даже не думайте, — Варвара отступила. — Улица сегодня не в списке примерочных. Проходите.

Оксана вошла и сразу заметила Марка.

Её глаза округлились.

— Это...

— Это временно наказанный представитель премиального бизнеса, — сказала Варвара. — Не обращайтесь к нему. Он сегодня декоративно-трудоустроен.

Марк поднял отпариватель.

— Варвара.

— Да, Марк Сергеевич?

— Он шипит.

— Он работает. В вашем мире это, наверное, редкость.

Оксана тихо рассмеялась, но тут же прижала губы, будто смех мог оказаться лишним.

Варвара заметила.

Всегда замечала.

— Платье ждёт вас, — сказала она мягче. — Синее. То самое, в котором вы собирались не прятать плечи.

Оксана смутилась.

— Я всё ещё не уверена насчёт плеч.

— Отлично. Плечи тоже не уверены насчёт вас, но мы их познакомим.

Марк с отпаривателем застыл у рейла. Его лицо говорило, что он оказался на спектакле без программки и не знал, когда аплодировать.

Варвара сняла с вешалки синее платье. Глубокий, спокойный цвет. Ткань струилась мягко, не липла, не тянула, не пыталась превратить женщину в чужую форму. Это платье Варвара шила для тех, кто хотел выглядеть не тоньше, а увереннее.

— Примерочная свободна, — сказала она.

Оксана взяла платье и остановилась у зеркала.

— Варвара, а если... ну если оно всё подчеркнёт?

— Оно и должно. Мы не шьём занавески для самооценки.

Оксана неловко улыбнулась.

— Я просто давно ничего такого не носила.

— Какого?

— Красивого.

Слово упало тихо.

Марк перестал возиться с отпаривателем.

Варвара подошла к Оксане ближе.

— Тогда начнём не с платья, — сказала она. — Начнём с того, что красивое вам не запрещали официально. Просто долго намекали. А намёки — это не закон.

Оксана посмотрела на неё, и в глазах у неё блеснуло что-то опасно влажное.

— Муж сказал, что на корпоратив лучше надеть что-то спокойное. Чтобы не привлекать внимание.

— Вы идёте на корпоратив или в засаду?

Оксана фыркнула сквозь смущение.

— Он говорит, что я неправильно понимаю элегантность.

— Мужчины часто называют элегантностью женское удобство для их нервной системы.

— Он неплохой, — поспешно сказала Оксана. — Просто...

— Просто привык, что вы выбираете себя последней.

Оксана опустила глаза.

Варвара не стала давить. Она только вложила платье ей в руки.

— Идите. Примерьте. Если не понравится — скажете. Если испугаетесь — тоже скажете.

У нас тут демократия с повышенной талией.

Оксана скрылась за ширмой.

Марк тихо спросил:

— Она всегда извиняется?

— Почти все сначала извиняются.

— За что?

Варвара посмотрела на него.

— За то, что занимают место.

Он открыл рот, но ничего не сказал.

Отпариватель снова зашипел в его руках. На этот раз Марк не отшатнулся.

Оксана вышла через несколько минут.

И мастерская словно стала больше.

Не потому, что платье творило чудеса. Варвара не любила эту фразу. Платья не творили чудес. Они просто иногда переставали мешать женщине увидеть себя без чужой редакции.

Синяя ткань легла на Оксану мягко и точно. Подчеркнула талию, открыла шею, дала плечам линию, а не приговор. Женщина стояла перед зеркалом и не двигалась.

— Ну? — спросила Варвара.

Оксана провела ладонями по бокам.

— Я... не знаю.

— Что именно?

— Я как будто слишком заметная.

— И?

— Это страшно.

— Конечно. Незаметность удобнее. Только дорого обходится.

Оксана встретила взглядом с Варварой в зеркале.

— Мне кажется, он скажет, что слишком смело.

— А вы что скажете?

— Я?

— Представьте, да. Главная женщина в вашей жизни — вы.

Оксана посмотрела на себя ещё раз. Долго. Потом осторожно выпрямила спину.

Марк стоял у рейла с отпаривателем и молчал так внимательно, будто впервые слышал разговор, в котором продажа начиналась не с цены.

— Я скажу, что мне нравится, — произнесла Оксана.

Варвара улыбнулась.

— Вот. Уже дешевле, чем семейная терапия, и быстрее.

Оксана рассмеялась. На этот раз не спрятала смех. Покрутилась перед зеркалом, тронула рукав, потом вдруг сказала:

— Беру.

— Отлично. Надо чуть убрать по талии и поднять линию подола на два сантиметра. Марк Сергеевич, записывайте.

Марк поднял глаза.

— Что?

— Записывайте. Оксана. Синее платье. Талия минус полтора, подол плюс два, забрать в пятницу.

— Я не секретарь.

— Сегодня вы многопрофильный специалист без права на самолюбование.

Он взял блокнот.

Писал медленно, с таким лицом, будто каждая буква снижала стоимость его акций.

Оксана украдкой смотрела на него, потом на Варвару, потом снова на него. Наконец не выдержала:

— Простите, а вы правда тот самый Марк Верещагин?

— К сожалению, да, — сказала Варвара.

Марк посмотрел на неё.

— Да, — ответил он Оксане.

— А вы правда будете здесь работать?

— Как видите.

Оксана немного осмелела.

— Тогда можно вопрос?

— Можно, — сказал Марк.

— Зачем вы это сказали на вечере?

Мастерская стала тише.

Варвара не вмешалась. Ей самой было интересно, как он ответит без юриста, без формулировок, без официальной страницы и без возможности выйти из кадра.

Марк положил блокнот на стол. Посмотрел на Оксану. Не на Варвару.

— Потому что привык думать быстрее, чем понимать, кого задеваю.

Ответ был не идеальный.

Но он был честнее вчерашнего заявления.

Оксана кивнула.

— Плохо привыкли.

— Да, — сказал Марк. — Плохо.

Варвара сделала вид, что ищет булавки, хотя на самом деле ей просто нужно было на секунду отвернуться.

Не потому, что она растрогалась.

Нет.

Просто Марк Верещагин, признающий ошибку перед клиенткой в её маленькой мастерской, был зрелищем настолько неожиданным, что к нему требовалась внутренняя примерка.

После Оксаны пришла ещё одна клиентка. Потом позвонила Алла Романовна и потребовала забронировать примерку для трёх своих знакомых. Потом Лика прислала голосовое, в котором почти кричала от восторга, что её пригласили на съёмку, потому что «та самая девушка из видео очень искренняя». Потом Марк всё-таки вытащил телефон из коробки, потому что ему позвонили с таким упорством, что даже Варвара сказала:

— Ладно. Только без фразы «я занят важными стратегическими процессами». Вы держите плечики.

Он ответил.

— Да.

Пауза.

— Я в мастерской.

Пауза стала длиннее.

Марк посмотрел на Варвару, потом отвернулся к окну.

— Нет, отец. Не в качестве символа. В качестве участника проекта.

Ещё пауза.

Варвара делала вид, что не слушает. Очень активно делала: рылась в коробке с лентами, перекладывала катушки, хотя нужная лежала сверху.

— Потому что это моя ошибка, — сказал Марк.

На этот раз Варвара всё-таки замедлилась.

— Я не собираюсь возвращаться в офис до обеда. Совещание перенесите.

В его голосе снова появилась сталь. Но не та, которой он вчера резал людей сверху вниз. Другая. Защитная.

— Нет. Я не прошу разрешения.

Он отключился.

В мастерской повисла пауза.

— Ваша семья уже выбирает мне место в аду премиального бизнеса? — спросила Варвара.

— Примерно.

— Надеюсь, не у технического выхода. Там сквозит.

Марк убрал телефон обратно в коробку.

— Мой отец считает, что вы используете ситуацию.

— Ваш отец умный человек. Я действительно использую ситуацию. Только не в том смысле, в котором ему удобно злиться.

— Он не любит публичное давление.

— А я не люблю частное унижение. У всех свои вкусы.

Марк подошёл к столу, на котором лежали распечатки идей для съёмки. Варвара набросала их ночью: женщины разных возрастов, разные фигуры, разные профессии, короткие фразы на карточках, витрина как живой разговор. Не глянцева жалость, а вызов.

Он взял один лист.

— Это черновик кампании?

— Руками не мять. Я и так недоспала.

Он прочитал. Потом второй. Потом третий.

— Сильная идея.

Варвара насторожилась.

— Это вы сейчас мне или собираетесь добить после запятой?

— Но её нужно адаптировать.

— А вот и запятая.

Марк положил листы на стол и развернул к ней один эскиз.

— Если мы выводим это в центральную витрину, нужна визуальная дисциплина. Единая палитра, меньше хаоса в позах, меньше бытовых деталей. Женщины должны выглядеть...

Он замолчал на полуслове.

Варвара прищурилась.

— Продолжайте. Я люблю момент, когда мужчина слышит в голове опасную фразу и всё равно решает проверить судьбу.

Марк всё же сказал:

— Аккуратнее.

Тишина ударила по мастерской быстрее, чем если бы он хлопнул дверью.

Варвара медленно выпрямилась.

— Аккуратнее?

Он понял. Но было поздно.

— Я говорю о визуальной подаче.

— Конечно. Все всегда говорят о визуальной подаче, когда хотят, чтобы женщина стала удобнее для чужого глаза.

— Вы передёргиваете.

— Нет, Марк Сергеевич, я уточняю. Аккуратнее — это как? Меньше? Тише? Удобнее для твоих витрин?

Он нахмурился.

— Не надо переходить на личное.

— А куда мне переходить, если ты стоишь в моей мастерской и предлагаешь сделать моих женщин визуально послушными?

— Я предлагаю сделать кампанию продающей.

— Она и будет продающей.

— Скандал даёт внимание. Продажа требует формы.

— Форма не равна стерильности.

— А хаос не равен свободе.

Варвара бросила на стол ленту, которую держала в руках.

— Ты видел Оксану?

— Видел.

— Ты видел, как она вышла из примерочной?

— Да.

— Что бы ты с ней сделал для витрины?

Марк ответил не сразу.

— Подобрал бы свет, позу, фон.

— Чтобы что?

— Чтобы подчеркнуть достоинства.

— А остальное?

— Что — остальное?

— То, что ты считаешь недостатками. Куда бы дел?

Он сжал челюсть.

— В коммерческой съёмке не показывают всё подряд.

— А в жизни показывают. И женщины живут не в твоей коммерческой съёмке.

— Варвара, витрина — это три секунды внимания прохожего.

— Вот именно. Три секунды, за которые женщина должна увидеть не очередную отредактированную версию себя, а возможность не прятаться.

— Возможность тоже нужно красиво продать.

— Красиво — не значит вылизанно.

— Вы слышите только то, что хотите.

— А ты видишь только то, что привык продавать.

Он шагнул ближе.

— Если проект провалится, вы не сможете сказать, что я не предупреждал.

— Если проект провалится потому, что я позволю тебе превратить живых женщин в дорогие манекены, я сама себе этого не прощу.

Они стояли почти вплотную, между ними был только край стола и несколько листов с её ночными идеями. Варвара чувствовала, как у неё горячие ладони, как усталость превращается в злость, как в голове снова вспыхивают чужие примерочные, чужие советы, чужие «так лучше», «так стройнее», «так приличнее».

Марк смотрел на неё уже без скуки. Без привычного превосходства. С раздражением, да. Но и с вниманием тоже.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите.

— Что?

— Покажите, как это должно быть. Не словами. Сценой. Кадром. Вы ведь хотите, чтобы я понял? Так заставьте меня понять.

Варвара резко вдохнула, собираясь ответить, что она не преподавательница для избалованных наследников. Но остановилась.

Потому что это был шанс.

Не на победу в споре.

На перевод.

Она повернулась к зеркалу, сняла с рейла вишнёвое платье и достала из коробки карточку. Быстро написала на ней толстым маркером:

«Я не обязана быть меньше, чтобы быть красивой».

Потом протянула карточку Марку.

— Держи.

Он взял.

— Зачем?

— Будешь стойкой для смысла.

— Варвара.

— Молча.

Она поставила манекен ближе к зеркалу, повесила на него вишнёвое платье, рядом поставила обычный стул, на стул — старую сумку клиентки, забытую на прошлой неделе, на пол положила пару ярких туфель из коробки. Получилось не идеально. Не глянцево. Но живо.

— Видишь? — спросила она.

— Вижу стул, сумку и платье.

— Нет. Ты видишь женщину, которая пришла домой после работы, сняла удобные серые вещи, посмотрела на это платье и впервые не спросила: «А можно мне?» Она просто надела. Потому что устала ждать разрешения.

Марк смотрел.

— А карточка?

— Это не лозунг. Это её фраза. Не рекламная. Личная. У каждой будет своя. Не «мы за красоту во всех проявлениях», не «будь собой» с чужим лицом. Конкретно: «Я не обязана быть меньше». «Я хочу красное». «Я больше не извиняюсь за бёдра». «Я пришла не прятаться». Понимаешь?

Он молчал.

— Это и есть моя витрина, — сказала Варвара. — Не витрина размера. Витрина выбора.

Марк перевёл взгляд на неё.

— Вы говорите так, будто это война.

— Так и есть.

— С кем?

Варвара усмехнулась, но без веселья.

— С примерочными, где женщины плачут тихо, чтобы продавщица не услышала. С фразой «на вас нет». С мужьями, которые просят одеться спокойнее. С матерями, которые говорят дочерям: «Сначала похудей, потом купим красивое». С магазинами, где сорок шестой уже считается смелым расширением линейки. С фотографиями, которые умеют снимать только тех, кто и так всю жизнь помещался в кадр.

Марк стоял неподвижно, держа карточку.

— И со мной? — спросил он.

Варвара посмотрела ему в глаза.

— Вчера — да.

— А сегодня?

Она хотела сказать «пока не знаю» резко. Получилось тише.

— Сегодня ты держишь карточку.

Он опустил взгляд на фразу в своих руках.

Телефон снова завибрировал в коробке. Никто не пошевелился.

Потом Марк сказал:

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Попробуем вашу концепцию. Но я всё равно хочу, чтобы свет и композиция работали профессионально.

— Это можно.

— И чтобы тексты были сильными, но не превращали витрину в стенгазету.

— Слово «стенгазета» старит вас лет на двадцать.

— Не начинайте.

— Уже закончила.

Он положил карточку на стол очень аккуратно. Почти бережно.

— У вас палец, — сказал он вдруг.

— Что?

— Палец.

Варвара посмотрела на свою руку и только теперь заметила тонкую красную линию на подушечке указательного пальца. Когда успела зацепить? Наверное, об острый край булавки, пока доставала ленту. Мелочь. Обычная рабочая мелочь.

Она быстро спрятала руку за спину.

— Ерунда.

— У вас идёт кровь.

— Не драматизируйте. Это не презентация годового отчёта.

— Надо закрыть.

— Не надо.

— Варвара.

— Марк, я шью с шестнадцати лет. Если я буду останавливаться из-за каждого прокола, половина Москвы останется без платьев и с мужским мнением о красоте. Продолжим.

Он смотрел на неё так, будто хотел возразить, но уже выучил: иногда спорить бесполезно, иногда опасно, а иногда — просто невежливо.

К обеду Марк умел отличать подкладочную ткань от основной, знал, что плечики бывают «не эти ужасные тонкие», понял, что отпаривать платье надо снизу вверх и без самоуверенного рывка, а ещё трижды услышал от клиенток вещи, которые явно не укладывались в его прежнюю картину рынка.

Женщина по имени Нина призналась, что десять лет не покупала платьев без кардигана сверху.

Девушка Катя спросила, можно ли сделать рукав «чтобы руки не выглядели как проблема».

Алла Романовна приехала лично, оценила Марка с ног до головы и сказала:

— Хорошо смотрите среди ткани. Человечнее.

— Спасибо, — сухо ответил он.

— Это не комплимент. Это направление роста.

Варвара едва не расхохоталась.

Алла Романовна заказала вишнёвое платье, дала контакты фотографа, которого «надо взять, потому что он умеет видеть женщин, а не только скулы», и, уходя, тихо сказала Варваре:

— Не позволяйте им съесть вашу идею и выплюнуть вас как автора.

— Не позволю.

— И ему не верьте быстро.

Варвара посмотрела на Марка. Он в это время разбирал бирки и пытался не показать, что слышит.

— Быстро не умею, — ответила она.

После обеда мастерская наполнилась усталостью. Той самой, вязкой, когда слова становятся короче, спина просит пощады, а глаза начинают замечать каждую незаконченную строчку в списке дел. Марк наконец забрал телефон на десять минут и вышел в коридор. Вернулся мрачнее.

— Отец? — спросила Варвара, не отрываясь от машинки.

— Совет.

— Семейный или директоров?

— Иногда разницы нет.

Она не стала спрашивать дальше. Не потому, что не хотела знать. Хотела. Но между ними и так за день появилось слишком много тонких нитей, а она не собиралась добровольно путаться в тех, которые вели к его семье.

— Завтра в одиннадцать нужно быть в главном бутике, — сказал Марк. — Команда хочет увидеть материалы.

— Команда может приехать сюда.

— Не может.

— Религия запрещает?

— Практика. Там свет, пространство, оборудование, люди.

— А здесь работа, смысл и женщина, которую вы вчера не смогли купить.

— Варвара.

— Ладно. Приеду. Но если меня снова поставят к двери, я принесу табличку со своим именем и начну брать аренду за легенду.

Он сел напротив.

— Вам надо отдохнуть.

Она подняла глаза.

— Простите?

— Вы с утра на ногах.

— А вы с утра открываете для себя физический труд и уже эксперт по моему режиму?

— У вас руки дрожат.

Варвара сильнее сжала ткань.

— Они работают.

— Вы ничего не ели.

— Я ела.

— Что?

Она задумалась.

— Половину печенья.

— Это не еда.

— Сказал мужчина, который вчера считал женщин ассортиментом. Ваши пищевые оценки тоже под сомнением.

— Я могу заказать...

— Нет.

— Я даже не сказал что.

— А я уже услышала кошелёк.

Марк замолчал, потом встал, подошёл к полке у чайника, нашёл коробку с печеньем, открыл её, поставил рядом с машинкой и молча вернулся к биркам.

Варвара посмотрела на коробку.

Потом на него.

— Это что было?

— Не кошелёк.

— Вы учитесь?

— Не мешайте.

Она отвернулась, чтобы он не увидел улыбку.

Вечер подкрался незаметно. За окном стало серым, машины на улице включили фары, а в мастерской горели все лампы. Марк должен был уйти ещё час назад, но остался, потому что к завтрашней встрече нужно было подготовить три законченных образа, карточки с фразами, список героинь для съёмки и предварительную схему витрины.

Варвара шила почти молча.

Марк сидел за столом и сортировал карточки. Иногда задавал вопросы. Уже не командовал. Формулировал осторожнее, чем утром, и это само по себе было маленьким чудом.

— Эта фраза слишком длинная, — сказал он, показывая карточку.

Варвара прищурилась.

— Почему?

— Человек не успеет прочитать, проходя мимо.

Она взяла карточку.

«Я больше не покупаю вещи, в которых удобно всем, кроме меня».

— Сократим, — решила она. — «Удобно мне. Наконец-то».

Марк кивнул.

— Лучше.

— Не привыкай быть полезным. Это может испортить репутацию.

— После сегодняшнего дня моя репутация уже лежит рядом с вашими коробками.

— Не рядом. Поддерживает левый край стола.

Он посмотрел вниз. Варвара усмехнулась. Под ножку стола действительно была подложена плотная рекламная папка Vereshchagin Gallery, которую он принёс днём.

— Это символично, — сказал Марк.

— Это практично.

В девять вечера он наконец поднялся.

— Хватит.

— Кому?

— Вам.

— Я сама решу.

— Нет. Вы уже дважды ошиблись в строчке.

Варвара подняла голову от машинки.

— Вы теперь ещё и строчки проверяете?

— После четырёх часов с бирками человек начинает замечать детали.

— Поздравляю. Мастерская забрала вашу невинность.

— Варвара.

— Мне нужно закончить платье для Оксаны.

— До пятницы время есть.

— Она написала, что завтра хочет показать мужу фото. Ей важно.

— Она уже купила платье.

— Нет. Она купила шанс не переодеться в серое от одного чужого взгляда. Платье должно быть готово.

Марк подошёл ближе.

— Вы не обязаны спасать всех женщин в Москве одной ночью.

Варвара остановилась.

Усталость вдруг ударила резко. Не красиво, не литературно, а просто: в плечи, в поясницу, в глаза, в пальцы. Она посмотрела на ткань под лапкой машинки и поняла, что действительно едва видит линию.

— Я не спасаю, — сказала она. — Я обещала.

— Обещания можно выполнять утром.

— Не все.

Она снова нажала на педаль.

Ткань пошла под иглой, строчка легла ровно. Марк стоял рядом, не мешал, но его присутствие странно давило и поддерживало одновременно.

На середине шва Варвара дёрнулась.

— Чёрт.

Она убрала руку. На пальце снова выступила кровь. Небольшая, глупая, раздражающая отметина. Не катастрофа. Но почему-то именно сейчас от неё захотелось сесть на пол и сказать: всё, хватит, пусть витрина горит, пусть Марк побеждает, пусть интернет забудет, пусть женщины сами как-нибудь выбирают себе серое.

Она не села.

Просто зажала палец тканевой салфеткой и закрыла глаза на пару секунд.

— Варвара, — тихо сказал Марк.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Вот и продолжай в том же духе.

Голос вышел хриплым.

Она почувствовала это сама и разозлилась ещё больше. Не хватало только, чтобы он увидел её такой. Без помады на половине губ, с растрёпанными волосами, с проколотым пальцем, в старых мягких туфлях вместо вчерашних каблуков, с усталостью, которую уже нельзя было спрятать за шуткой.

Марк взял со стола чистый кусок белой ткани и протянул ей.

Не коснулся.

Не настоял.

Просто протянул.

— Держите.

Она хотела отказаться. Разумеется, хотела. Но ткань уже промокала под пальцем, а спорить с собственным телом было глупее, чем с Верещагиным.

Варвара взяла.

— Спасибо.

Слово вышло непривычным. Маленьким. Почти без защиты.

Марк услышал и это.

Он не улыбнулся. Не воспользовался моментом. Не сказал ничего вроде «видите, я полез». Просто отступил на шаг и сел на край стола напротив, будто давая ей место остаться собой и не превращаться в раненую гордость.

— Почему вы не наняли помощницу? — спросил он.

— Нанимала. На две недели. Потом поняла, что не могу платить стабильно.

— Теперь сможете.

— Теперь, возможно, смогу.

— После витрины точно сможете.

— Если она работает.

— Сработает.

Варвара открыла глаза и посмотрела на него.

— Это что сейчас было? Оптимизм? У вас есть разрешение семьи на такие эксперименты?

— Это расчёт.

— Конечно. А я уже испугалась, что вы сказали что-то человеческое.

Он опустил взгляд на недошитое платье.

— Я видел сегодня Оксану, Нину, Катю. Видел, как они смотрят на себя до разговора с вами и после. Это продаётся не потому, что скандал. Это продаётся потому, что вы называете вслух то, что они годами проглатывали.

Варвара молчала.

Слова были неожиданно точными.

И слишком опасными.

Потому что когда мужчина, которого ты решила не уважать, вдруг видит самое важное в твоей работе, внутри что-то сдвигается. Не сильно. Не навстречу. Просто перестаёт стоять так уверенно на прежнем месте.

— Не делай так, — сказала она.

— Как?

— Не говори правильные вещи моим уставшим вечером. Это нечестный приём.

— Я не пытаюсь вам понравиться.

— Хорошо. Потому что пока получается местами.

Он посмотрел на неё.

И на этот раз улыбнулся совсем иначе. Не хищно. Не раздражённо. Коротко, устало и почти по-человечески.

Варвара резко отвернулась к машинке.

— Всё. Отойдите. Вы мешаете атмосфере производственного страдания.

— У вас палец.

— У меня заказ.

— Дайте я.

Она обернулась так резко, что он даже поднял руки.

— Что — вы?

— Не шить. Не смотрите на меня так, я дорожу жизнью. Дайте я хотя бы подержу ткань, чтобы она не тянула.

Варвара хотела сказать «нет».

Очень хотела.

Но платье было тяжёлым, ткань действительно уходила вниз, палец ныл, а завтра в одиннадцать её ждал главный бутик Vereshchagin Gallery, где наверняка будут люди, мечтающие объяснить ей, как стать аккуратнее.

Она подвинула ему край ткани.

— Держите ровно. Потянете — я вас пришью к подкладке.

— Принято.

Он встал рядом. Слишком близко. Пахло от него уже не только дорогим парфюмом, но и мастерской: тканью, картоном, горячим паром от отпаривателя, длинным рабочим днём. Его пальцы легли на край синего платья осторожно, непривычно, но внимательно.

Варвара снова нажала на педаль.

Машинка застрочила.

За окном темнела Москва. Телефон Марка молчал в коробке. На столе лежали карточки с фразами женщин, которые ещё не знали, что скоро окажутся в центральной витрине. Агриппина наблюдала из угла со своим неизменным суровым достоинством.

И всё почти стало нормальным.

Почти.

Пока телефон Варвары не загорелся новым уведомлением.

Она не сразу посмотрела. Дошила шов, подняла лапку, обрезала нитку. Только потом взяла аппарат.

Сообщение было снова с неизвестного номера.

«Он сегодня был убедителен? Не верь. У них спор до конца месяца: сможет ли Марк сделать тебя лицом кампании и заставить влюбиться в него на глазах у всех».

Варвара читала строку, и шум машинки будто всё ещё продолжал звучать у неё в голове. Марк держал край платья и смотрел на неё.

— Что случилось?

Она медленно подняла глаза.

Его руки всё ещё были на её ткани. На её работе. На платье для женщины, которая завтра хотела впервые не переодеться в серое.

И вдруг вся эта странная близость — день в мастерской, его молчаливое участие, печенье у машинки, карточка в руках, тихое «сработает» — стала похожа не на начало доверия, а на слишком хорошо сыгранную партию.

Варвара положила телефон экраном вниз.

— Ничего, — сказала она.

Но голос у неё стал таким ровным, что Марк сразу понял: что-то всё-таки случилось.

А Варвара впервые за день не знала, чего боится больше: что сообщение — ложь, или что в нём слишком много правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.